

Silence

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ANNE D'AR

18+

Anne Dar Silence

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56292065

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99084-5

Аннотация

В канадской провинции разворачивается трагедия: подростки на автомобиле срываются в реку, на поверхность которой «всплывает» слишком много вопросов ещё до того, как новость о случившемся обретает серьёзные масштабы. Власти поручают расследование всего одному агенту CSIS – Дэшиэл Нэш. CSIS настаивает на закрытии дела, требуя от агента оформить его под грифом несчастного случая. Нэш скоро понимает, что её намеренно подставляют этим делом и что сухой из воды ей уже не выйти, потому принимает решение продолжать расследование тайно. Когда же Дэшиэл слишком близко приближается к ответу на главный вопрос, она начинает осознавать, что некоторые вопросы, заданные недостаточно тихо, могут стоить ей жизни... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Введение.	4
Глава 1.	6
Глава 2.	12
Глава 3.	22
Глава 4.	31
Глава 5.	45
Глава 6.	55
Глава 7.	62
Глава 8.	72
Глава 9.	83
Глава 10.	91
Афина Фрост.	91
Глава 11.	110
Глава 12.	117
Глава 13.	124
Глава 14.	131
Афина Фрост.	135
Глава 15.	137
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Anne Dar

Silence

Введение.

Для него всё началось в 00:05.

Он пробежал уже километр – так утверждал его шагомер, но и без него он знал о преодолённом им расстоянии, ведь он бежал по этому маршруту последние пять лет. Налитая холодным светом полная луна насквозь пронизывала остывающий в это время года лес, мимо которого он бежал по песчаному тротуару, редко посыпанному мелкой галькой. Молодое сердце под взмокшей от пота толстовкой колотилось так бойко, что периодически заглушало своим боем музыку, которая, казалось, заливалась прямиком в его мозг, минуя уши. Но сейчас эти уши неожиданно что-то слышали сквозь непрерывный бой басов. Что-то отчётливое, мощное...

Удар?..

Он машинально вынул наушники из ушей, но не сбавил скорость бега – он не хотел выходить из ритма, на который сегодня так легко настроился. Чуть не потеряв наушники, он успел вовремя схватить их за шнур, после чего ловко перекинул их за шею и, в следующую секунду, выбежав из лесной

полосы на оголенный участок, оказался в десяти метрах от широкого моста, лежащего через полноводную горную реку. Он знал куда смотреть, хотя и не знал, откуда в нём этот инстинкт.

По правую сторону моста, на поверхности блестящей от лунного света воды, он увидел нечто большое и черное. Нечто, что заставило разгоряченную кровь в его жилах похолодеть от неожиданно острого осознания, пронзившего его мозг, словно последняя в этом сезоне и оттого такая яркая молния.

Он сразу понял, что это. Но он не мог даже представить, насколько важны будут следующие пятнадцать минут его жизни – не только для него, но для всех в этом городе. Как важен будет его выбор, сколько судеб этот выбор изменит раз и навсегда, скольким даст шанс и скольких поломает. Ужасающе. Безвозвратно.

В 00:15 всё навсегда закончится для *четверых* человек. *Пятый* человек будет выбран.

Глава 1.

Два часа ночи первого ноября, я сижу на диване в простенькой однокомнатной квартире, которую последние два года снимаю у сговорчивой пожилой женщины, с неприкрытой апатией смотрю голубой экран и пью пиво. Квартиру я могла бы снимать и получше (по крайней мере потеплее – в это время года сквозняк здесь сочится из всех щелей), но зачем мне “лучше”? В этом мегаполисе снять дешевую квартиру – всё равно что сорвать джек-пот, а моя еще и в относительной близости от места моей работы находится, так что...

Работа. Та сфера моей жизнедеятельности, о которой последние четыре месяца я стараюсь не думать вне стен неожиданно опостылевшего мне офиса.

Еще недавно я любила свою работу так искренне, как искренне теперь не знала, что к ней чувствую. То, что раньше вызывало во мне неподдельный энтузиазм, теперь давалось мне с таким трудом, что, в борьбе с самой собой, я не заметила, как у меня начали опускаться руки.

...Я перевела взгляд на почти опустевшую бутылку в своей руке и сразу же едва уловимо сдвинула брови. Хотя я пила исключительно по выходным, мне это не нравилось. Прежде я себе выпивку позволяла только в праздники, и-то не увлекалась, на прошлой же неделе пришлось самой себе запре-

тить вино и наложить табу на виски. За последние четыре месяца это первые выходные без крепкого алкоголя, а мне это уже не нравится. А еще эта бессонница... В какой именно момент она появилась?.. Сразу? Или спустя пару недель?.. Никак не могу вспомнить...

Телевизор выплюнул волну смеха. Я снова перевела безразличный взгляд на экран. Интересно, кто кроме меня может смотреть в два часа ночи шоу, суть которого заключается в продаже настолько дорогих автомобилей, что девяносто процентов населения Канады, в число которых я вхожу, никогда в жизни не позволит себе купить хотя бы руль от такого агрегата?..

Фыркнув, я переключила канал и сразу же решила не искать дальше. Не то чтобы я любила наблюдать за тем, как волки Аляски пожирают свою добычу, которая когда-то, предположительно, была кем-то белоснежным и пушистым – волки сожрали писца? – однако природа мне всегда нравилась, так что я решила дождаться, когда разъяренные волки перестанут окрашивать снег в багровые тона и сюжет передачи перейдет к чему-нибудь более лицеприятному. Но не успела я проникнуться волками, как вдруг, в момент, когда громадный черный волк оторвал себе внушительный кусок туши, разразился звонком мой подержанный мобильный телефон, лежавший у моего правого бедра.

Переведя на него взгляд, я на секунду замерла. Ирвинг Банкрофт звонит мне в два часа ночи?.. Едва ли это может

быть чем-то “несрочным”. Таков слоган моей профессии: если начальство звонит тебе посреди ночи, значит твоя ночь закончена.

Гулко вздохнув, я вылила в себя остатки пива – всё равно за руль в ближайшие пять часов мне уже нельзя – и наконец подняла трубку:

– Агент Нэш у телефона.

– Нэш, не разбудил? – далеким от официального тоном начал разговор Банкрофт. Он всегда ко мне хорошо относился, правда в последнее время меня в его тоне что-то напрягало. Я никак не могла понять, что именно...

– Спала, но уже проснулась, – на автомате соврала я, не желая давать начальнику пищу для размышлений в виде моей бессонницы.

Ирвингу Банкрофту недавно исполнилось пятьдесят четыре, помимо должности он, с его напряженным рабочим графиком, каким-то образом умудрился сколотить себе приличную семью: любящая жена, два сына, дочь, три внука, две внучки и четыре кота. Ему многие завидовали. Подозреваю, еще пара лет, и я рискую войти в число этих завистников, так как в моей личной жизни уже сейчас был подозрительно уверенный штиль.

– Послушай, появилось дело, которому ты идеально подходишь, – тем временем продолжил Банкрофт.

Вот оно! То, что меня в нем напрягало последние несколько месяцев. “Дело, которому я подхожу”. То есть я “подхо-

жу” делу, а не оно “подходит” мне. Будто я должна подстроиться под дело? Или, может быть, он неосознанно говорит мне о том, что я не со всяким делом могла бы справиться?.. Раньше он в моих силах не сомневался, с чего вдруг начал теперь?..

Я посмотрела на опустевшую бутылку из-под пива, всё еще зажатую в моей руке. Её прежде до боли холодное стекло теперь неприятно нагрелось. Я хотела разжать пальцы, но продолжила слушать Ирвинга... Прежде я сама не сомневалась в себе и своих силах, и не позволяла сомневаться никому. Банкрот просто почувствовал мою слабость. Но зачем давить на нее?.. Нет, я почти уверена, что он это неосознанно...

– Подростки надрались алкоголем на вечеринке в честь Хэллоуина, уселись за руль родительского автомобиля и слетели с моста в реку. Нужно съездить на место происшествия, оформить несчастный случай. Думаю, всё дело займет около двух суток, с учетом вскрытия...

Хэллоуин – терпеть не могу этот праздник. В этот день постоянно происходит какая-нибудь хрень, в мегаполисах преступность так и “светится”. А я-то надеялась, что в этом году не буду участвовать в последствиях этой зловещей ночи. И почему людей так тянет ко всему зловещему?..

Значит, стандартная процедура оформления несчастного случая... Вскрытие. Есть трупы. Как минимум два: Банкрот сказал “подросткиИ”, а не “подростоК”.

Я уже думала, как аккуратнее отказаться от этого “мокрого” дела, переведя стрелки на Макадама, с которым заранее договорилась о подстраховке в подобных случаях, но Банкрофт вдруг продолжил, оборвав мой порыв ответить на полувдохе:

– Ты ведь хотела на следующей неделе уйти в отпуск? Знаешь что, как только оформишь это дело, можешь сразу выходить в отпуск. Тебе нужно отдохнуть, Нэш, поезжай к родным, приведи мысли в порядок.

Уже перестает скрывать, что чувствует неоднозначный запах моей усталости...

– У меня всё в порядке, мне не нужна лишняя неделя для отпуска.

– Нэш, поверь мне, как опытному семьянину: лишняя неделя в отпуске никогда не бывает лишней. Короче, я твой начальник и я так решил. Оформляй это дело, лети домой и передавай отцу привет. Дополнительную неделю отпуска возьмешь за свой счет.

Бертрам не был мне отцом, он был моим отчимом, о чем Банкрофт знал не понаслышке, но мне не хотелось его исправлять.

– Что ж... Спасибо... – выдавила я, после чего Ирвинг уверенно продолжил.

– Вот и замечательно. Вылетаешь в пять часов.

– Вылетаю?.. – не сразу поняла я, о чем именно идет речь.

– Место назначения: Маунтин Сайлэнс. – Маунтин Сайл-

экс?.. Впервые о таком месте слышу... – В аэропорту тебя будет ждать человек. Дальше на твоё имя будет арендован автомобиль и забронирован номер в гостинице. Подробности вышлю позже. Собирайся.

Прежде чем я успела отреагировать на последнее заявление, моя трубка разразилась тремя короткими гудками – разговор был окончен.

Я посмотрела на часы. До пяти утра оставалось всего каких-то три часа. Кого я обманываю – всё равно я уже не смогу уснуть, так что лучше даже не пытаться.

В этот момент я даже не задумалась над тем, что впервые получила задание, не получив напарника (обычно старшего по званию) и это задание находилось за границами города, пределов которого я до сих пор не покидала по профессиональным вопросам. Я поняла это гораздо позже, когда осознала, насколько далеко меня отослали... Слишком далеко...

Глава 2.

Забросив пустую бутылку из-под пива в раковину по причине отсутствия пакета в мусорном ведре, я приготовила себе омлет с ветчиной и сыром. На большее у меня не хватило ингредиентов, но и этого оказалось более чем достаточно: в итоге мой завтрак в половину третьего ночи показался мне даже чрезмерно плотным. Вернувшись с работы накануне вечером я забыла переодеться, даже свою новую куртку из кожзама не сняла, но получив ориентировку с координатами и данными от Банкрофта как раз в момент домывания посуды из-под завтрака, поняла, что будет лучше сходить в душ.

К пятнадцати минутам четвертого я была не только вымыта и высушена, но и пахла алое-вера, ландышем и кофе. Заранее решив позаботиться о волосах, которым, возможно, придется продержаться без водных процедур ближайшие несколько суток, я залила их таким количеством фиксатора, что, кажется, они могли бы выглядеть чистыми целую неделю. Отличный ход. Главное теперь дезодорант не забыть с собой взять.

Дорожную сумку я собрала основательно, с расчетом на то, что возвращаться в город после этого задания не буду – напрямую поеду в Манитобу к родным, где попытаюсь “привести мысли в порядок”... Возможно, мне стоит пересмотреть сферу своей профессиональной деятельности.

До сих пор не думала об этом, считая, что я буквально создана для этой работы, а здесь вдруг выяснилось, что у меня кишка тонка.

Самой себе противна. Нужно же было до такого докатиться... Да еще и так поздно. Почему я раньше об этом не задумалась?..

Мысленно выругавшись, я вышла из квартиры с рюкзаком за плечами и внушительной дорожной сумкой в руках, закрыла квартиру, дважды проверила прочность замка и спустилась с пятого этажа пешком, потому как лифт в этом доме не работал уже четвертый месяц. Ну почему, почему всё началось четыре месяца назад и до сих пор никак не может закончиться?!.. Может быть бессонница пройдет, как только я переступлю порог дома Бертрама. Он всегда знает, что мне сказать, надеюсь, будет знать и в этот раз. Только нужно побыстрее “закрыть” этот несчастный случай...

Такси уже стояло у подъезда. И зачем только я так рано выезжаю?..

В итоге пришлось провести в зале ожидания целый час и три минуты. Хорошо, что вид из панорамных окон, напротив которых я сидела, был занимательным: освещенная яркими огнями взлетная полоса этой ночью работала в пульсирующем ритме. Видимо тоже страдала бессонницей. Интересно, давно это с ней?..

К пяти часам утра в зале ожидания осталось не так уж и

много людей: пара brutальных байкеров, музыкант с гитарным чехлом за плечами, девушка с дредами, молодая мать с пяти-шестилетней дочерью и я. Молодая мать вела активный диалог с гиперактивной дочерью, говорила, что отец семейства с двумя младшими братьями девочки должен приехать за ними с минуты на минуту. Но прошло уже полчаса увещаний матери, а обещанного отца ни девочка, ни все собравшиеся в зале ожидания, до сих пор так и не видели.

Я перевела взгляд на байкеров. Мужчинам было под сорок и выглядели они словно два быка, выпущенные из стойла в непривычное для них своей чистотой помещение. В зале ожидания они смотрелись немного потерянными... Я уже хотела перевести взгляд на девушку с дредами, когда где-то справа от меня раздалось громогласное, переполненное детской любви: “Папа!”. Повернув голову в сторону звуковой волны, я заметила мужчину с двумя полусонными мальчиками на руках: одному года три, второму чуть больше года. Уже спустя минуту счастливая объединившаяся семья обнималась полным составом, а я задумалась над тем, что именно могло их разъединить пусть даже на короткий промежуток времени. Да еще младшие дети остались с отцом... Наверное, мать семейства одна из тех женщин, которые успевают и заниматься любимой работой, и детей рожать одновременно.

Я была занята этой мыслью, когда заметила странно одетого мужчину, обогнувшего счастливое семейство с левого фланга. Почему-то я сразу поняла, что он направляется ко

мне.

Посмотрев на часы и убедившись в том, что до моего вылета предположительно остается около десяти минут, я с уверенностью поднялась со своего места. Остановившийся напротив меня мужчина широко заулыбался:

– Пункт назначения Маунтин Сайлэнс?

– Верно, – закинув дорожную сумку на плечо, отозвалась я.

– Меня зовут Тирелл, я доставлю Вас до Дэф Плэйс, – не переставая улыбаться, мужчина протянул мне руку.

На вид этому человеку было лет пятьдесят, однако его добродушная улыбка в сочетании с квадратным подбородком, голубыми глазами, сильно обветренным лицом и швейцарской шапкой предавала его образу некоторую детскость.

– Агент Дэшиэл Нэш, – пожала сухую руку крепко сложенного мужчины я, на сей раз отметив интересность его костюма, состоящего из бежевой куртки, вязаного шарфа с орнаментом из традиционного канадского красного кленового листа и белых оленей, штанов шоколадного цвета и сильно поношенных ботинок.

– Что ж, Дэшиэл, Вам предстоит увлекательное путешествие, верно? – всё так же весело ухмыльнулся мне мой новый знакомый, уже развернувшийся и направляющийся со мной к выходу из зала ожидания.

Риторический ли это был вопрос?.. Не знаю. Но в итоге это путешествие и вправду выдалось для меня “увлекатель-

ным”. Я даже представить себе не могла, во что я вляпаюсь в тех глухих местах, в которые доброжелательный пилот Тирелл доставит меня с задорной улыбкой на всё его обветренное мальчишеское лицо. Пока же я думала, что меня ожидает всего лишь двое суток бумажной волокиты, за которыми последует долгожданный отпуск длиной в блаженные три недели.

Я поверить не могла в то, что мне действительно придется лететь *на этом*. Вернее сказать, я не сразу осознала, что это не розыгрыш. АН-2*, к которому подвёл меня мой провожатый Тирелл, не мог внушать никакого доверия (*Лёгкий многоцелевой самолёт). Красная краска, покрывающая его стальной скелет, сильно выцвела, снизу он был заштопан внушительным куском плохо замаскированной жести. Только слепой мог бы не заметить древности этой консервной банки, у меня же со зрением всё было отлично – единица на обоих глазах, чему я впервые в жизни не была рада.

– Сколько, Вы говорите, нам необходимо лететь? – уже поднимаясь на борт “Летучего голландца”*, переспросила я, тщетно надеясь услышать новую цифру (*Легендарный парусный корабль-призрак, который не может пристать к берегу и обречён вечно бороздить моря).

– До Дэф Плэйс три часа лёту, – отозвался Тирелл и, немного подумав, добавил, когда я уже вошла внутрь его “ласточки” вслед за ним. – Если бы летели на чём получше,

экономии бы где-то около часа. Но из Дэф Плэйс и обратно регулярно три раза в неделю летаю только я, да старина Билл по вторникам и четвергам. Поверьте, мисс, Вам еще крупно повезло, что сегодня мой день. Рухлядь Билла родом из тысяча девятьсот семидесятого года, мой же красавчик моложе на целых двенадцать лет! – Бодро подытожил оптимист-летчик, после чего, развернувшись, отправился в свою кабину.

Надо же: моложе на целую дюжину!.. Неужели мне и вправду повезло?

Я обвела взглядом салон. Что ж, не так уж и плохо, как для АН-2 родом из 1982-го года. Сиденья явно недавно меняли, так что полет может выдаться “мягким”.

Поставив сумку на кресло, следующее за передним местом, на котором я запланировала расположиться, я сняла с плеч рюкзак и села у иллюминатора. В эту минуту в салон завалилась шеренга из трех человек: мужчина лет тридцати пяти, такой высокий и крепко сложенный, что, казалось, своим появлением здесь он заставил самолет заметно присесть; белобрысый мальчишка лет двенадцати с горящими от неприкрытого возбуждения голубыми глазами; и пожилая приземистая женщина лет шестидесяти пяти – семидесяти, в шерстяном платке, прикрывающем её седину, которая густыми прядями выступала на её морщинистый лоб.

Как только эта троица забралась в салон и определилась с местами, в отличие от меня отдав предпочтение левой ча-

сти борта со сдвоенными креслами, летчик вышел из своей кабины, выглянул на улицу, видимо проверяя, не спешит ли кто еще занять место в его развалюхе, и убедившись, что больше в этом городе суицидников не имеется, с таким грохотом захлопнул дверь, что, казалось, сам чуть не оглох.

– По-другому не закрывается, – встретившись со мной взглядом, уверенным тоном, который мог бы ободрить, если бы не заставил переживать еще больше, сообщил Тирелл, после чего отправился в свою кабину, из которой, спустя полминуты, послышалась приглушенная просьба пристегнуть ремни.

Не с первого раза нащупав металлические пряжки предохранительного ремня, я всё-таки сумела пристегнуться и краем глаза заметила время на своих наручных часах: пять часов ноль одна минута. Я посмотрела в иллюминатор справа от себя, но не увидела ничего кроме желтых фонарных огней, пронизывающих ночной мрак. Поежившись несмотря на то, что температура воздуха в салоне была приемлемой, я спрятала руки в рукава своей утепленной куртки из кожзама.

Маунтин Сайлэнс лежал далеко на севере. Хорошо, что сейчас только ноябрь, потому как зимой там, исходя из энциклопедической информации, снега наметает по пояс. Да, так лучше: представлять, будто я еду на природу, а не на оформление несчастного случая с летальным исходом подвыпивших подростков.

Из нашего отдела агентов часто посылали в разные уголки

страны, правда я не слышала о том, чтобы агент CSIS* требовался для оформления несчастного случая – в таких делах обычно достаточно местного шерифа (*CSIS – Canadian Security Intelligence Service – Канадская служба разведки и безопасности).

Я неосознанно сдвинула брови. Банкрофт что-то не договорил? Но если бы было что-то серьезное, он бы не отправил двадцати восьмилетнего агента (девушку) в дебри, без сопровождения старшего по званию или хотя бы еще одного салаги. Я не собираюсь заниматься самообманом, восхваляя свои внушительные прошлые служебные заслуги в виде устранения сетевой секты, спасения жизни жены мэра и участия в успешной облаве на наркоторговцев, во время которой мне, по счастливому стечению обстоятельств и благодаря отличному зрению, удалось прострелить ногу главе группировки за мгновение до того, как он успел добежать до своего байка. Конечно в моём списке были и другие, более мелкие заслуги, благодаря которым Ирвинг Банкрофт светился словно рождественская ель, ведь рейтинг продуктивности его отдела здорово повышался не без моего участия, но я всегда была реалистом. Да, я достаточно безбашена, чтобы прострелить беглецу ногу или прикрыть своим телом женщину, в ушах которой блестят серьги с камнями размером с мой кулак, но я прекрасно осознаю, что пять лет в CSIS – это слишком мало. На меня еще лет пять, минимум, будут смотреть как на новичка, которым я, по факту, являюсь,

какой бы крутой я себя не чувствовала или какой бы крутой меня не представляли окружающие. Впрочем, с крутостью покончено. Из себя я, конечно, могу строить что угодно, но представляю я собой совсем не крутого парня. Железная хватка, острый ум, способность к командной работе, аналитическое мышление – Банкрофт хвалил меня одними и теми же словами. Подозреваю, что не меня одну. Наверняка заслуги каждого молодого агента подобными метафорами приправляет. Надоело. Пора взрослеть. Это не компьютерные игры. Я не крутой коп. Нужно уметь здраво оценивать себя. Я просто безбашенная девчонка, которой хватило дури осуществить подростковую мечту стать агентом CSIS и, став им, наслаждаться своим достижением на протяжении целых пяти лет. Период наслаждения закончился, пора это признать. И с этим нужно что-то делать...

Самолет пришел в движение, и я вновь посмотрела в иллюминатор. Рассвет я сегодня увижу позже обычного – сегодня я улетаю в противоположную от него сторону. От этой мысли мне неожиданно полегчало. С появлением в моей жизни бессонницы я полюбила предрассветное время за смутное ощущение “скорого завершения чего-то мне неизвестного”, которое возникало в самые тихие ночные часы. Мысль о том, что сегодня в это ощущение мне предстоит погрузиться с головой, вызывала во мне сейчас возбуждение и успокоение одновременно.

Пока наш дряхлый самолет взмывал в черные небеса, инь

и ян смешивались в моей груди воедино. Я любила летать. Может быть поэтому не развернулась на взлетной полосе и не зашагала назад к аэропорту, как только увидела летательный аппарат Тирелла. Или потому, что разворачиваться не хотелось – я желала улететь из этого никогда не спящего города куда подальше. Кажется, желала уже давно, как минимум последние несколько месяцев своей жизни, но поняла это только сейчас, в момент, когда вместо того, чтобы отказаться от перелета на ржавом кукурузнике, продолжила уверенным шагом направляться в его сторону.

Глава 3.

Я не сразу поняла, что именно произошло. Перед глазами плыла картинка: я падаю вниз, моё безвольное тело прорывается к земле сквозь грозовые облака, мои густые каштановые волосы безжалостно хлещут меня по лицу, руки и ноги безвольно запрокинуты вверх, мне очень холодно, возможно мне даже немного страшно... Вместо того, чтобы шлепнуться о поверхность бушующего океана (я почему-то была уверена, что прорываюсь сквозь штормовые тучи именно к поверхности бушующего океана) и разбиться без шанса на спасение, я вдруг шлепаюсь в две огромные ладони, зеленые, покрытые густыми лесами. Эти ладони поразили меня своим размером прежде, чем я успела раскрыть глаза. Я словно попала в руки самой природы, силой и властью имеющей мужское начало.

Что?..

Меня “тряхнуло” повторно, не смотря на то, что руки удерживали меня бережно, словно сказочную пушинку, спустившуюся в их реальный мир безжалостной и одновременно прекрасной дикой природы.

Я раскрыла глаза и только спустя несколько секунд осознала, что нахожусь в самолете. Странное ощущение из сна, заставившее меня ощутить себя прекрасной декоративной побрякушкой искусственного мира в руках величественной

натуральной силы, постепенно отходило на задний план.

Я что, заснула?..

Я посмотрела на свои наручные часы. Без пятнадцати семь. В какой момент я заснула? И с чего вдруг?.. В последнее время мне не удавалось сомкнуть глаз ночью, поэтому обычно я спала в промежутке между восемью и девятью часами утра, чего, странным образом, мне обычно хватало. В любом случае, не смотря на тот факт, что сегодня мой организм отчего-то вдруг решил не придерживаться строгого графика и внезапно отключил мой мозг прежде, чем тот успел осознать происходящее, я проспала недолго. Может быть около часа, но точно не дольше.

Самолет нещадно трясло и это не могло не напрягать. Тусклые лампы, едва освещающие салон самолёта теплым свечением, замигали, и откуда-то сзади послышалось странное потрескивание. Что бы это могло быть?..

Едва ли это можно было счесть хорошей идеей, но я вдруг отстегнула ремень безопасности, по состоянию которого можно было догадаться, что нифига он меня не спасет в случае крушения этой консервной банки, и поднялась со своего места.

Пожилая женщина, плотно закутанная в шаль, уверенно дремала не смотря на внушительную тряску самолета, сидящий перед ней мужчина со спокойным видом упирался затылком в подголовник и в данный момент смотрел на поднимающуюся меня, а расположившийся рядом с ним мальчиш-

ка был с головой погружен в чтение книги в потрепанной обложке с сильно пожелтевшими от времени листами. Прежде чем я успела провалиться в сон, я услышала, что книгу Джека Лондона “Белый клык” мальчишке подарил его дед. Наверное, это она и есть.

Я невозмутимо отвела взгляд от наблюдающего за мной мужчины и шагнула в сторону кабины летчика. Просто хотела убедиться, что у него всё под контролем, а если нет... Ну не знаю... Узнать, найдется ли у него хотя бы один парашют. Хотя бы один на пятерых. Мы могли бы разыграть его в кости. Я на мгновение даже представила, как парашют с победой отходит семидесятилетней женщине в шерстяной шали. Нет, так не пойдёт. Какие кости? Я агент CSIS, я не могу участвовать в розыгрыше. Отдать единственный парашют по-любому придется ребенку.

На долю секунды перед моими глазами пронеслось моё сонное видение, в котором я лечу вниз через грозовые облака, и я неосознанно вздрогнула, ощутив кожей потоки того холодного ветра, что во сне развивали мои волосы. Смешно.

– Эй, – Тирелл заметил меня прежде, чем я успела ему дать о себе знать, – немного трясет, да? – я не знала, что ответить на это замечание, так как всё было очевидно без слов, но, по-видимому, Тирелл не ожидал от меня ответа. Непринужденным движением руки он показал на второе место пилота, на котором лежали наушники с микрофоном. – Присаживайся, если хочешь, и можешь воспользоваться этой шту-

кой.

Шум в кабине стоял внушительный, но не настолько, чтобы невозможно было слышать собеседника, и всё же я надела наушники прежде, чем села на второе место пилота. Легкомысленно, конечно, пускать постороннего человека на место пилота, но я не собиралась осуждать матерого летчика. Я вообще не склонна была осуждать людей, а в свете недавних событий навык осуждения во мне и вовсе сошел на нет.

Не успела я устроиться на кресле, как в моих ушах зазвучал хриплый женский голос. Диспетчер передавала серьезный грозовой фронт. Я напряженно посмотрела на Тирелла.

– Мы сейчас его обходим, – невозмутимым тоном произнес он, посмотрев куда-то мимо меня. – Видишь, по правую сторону борта что творится?

Я посмотрела вправо, но ничего не увидела, как вдруг, в момент, когда я уже хотела спросить, что именно мой собеседник имел в виду, небо озарилось несколькими яркими вспышками. Это были молнии, разразившиеся в бурлящей воздушной массе плотных облаков.

– Уже почти миновали, – вновь послышался голос Тирелла, и магический свет за окном вдруг погас.

– Недурно, – отозвалась я небрежным тоном, но осознав, что мой тон мог прозвучать слишком пафосно (агент CSIS – по факту обыкновенная девчонка с блестящим значком за пазухой – настолько крута, что может хладнокровно смотреть на молнии, почти бьющие в самолет, в котором она ле-

тит?) я поспешно добавила. – Впечатляет.

– Еще бы! – явно не сомневаясь в том, что подобное зрелище не может кого бы то ни было не впечатлить, выпалил мужчина. – Я когда впервые такое увидел, чуть не задохнулся от впечатлений. Очень впечатлительным парнем был, – криво ухмыльнулся он.

Наверное, мне всё же не стоило использовать слово “впечатляет”. Может быть стоило оставить вариант “недурно”?

Мои пустые размышления прервала очередная метеосводка, вновь внезапно зазвучавшая в моих ушах уже знакомым мне хриплым женским голосом. Буря обещала быть сильной.

– Слышал, в Маунтин Сайлэнс произошел несчастный случай, погибли подростки, – вдруг произнес пилот. – Вы ведь поэтому туда направляетесь? Не понимаю, зачем там мог понадобиться агент CSIS, если это несчастный случай. Может быть случилось что-то с местным шерифом? В Маунтин Сайлэнс отличный мужик, этот шериф. Забыл его имя, но рыбак он блестящий. По крайней мере на лосося. В прошлом году он с местным егерем устроил отличную рыбалку мне и моим кузенам.

– Не знаю, – поджала губы я, и тут же поняла, что следует пояснить свой ответ. – Не знаю, что там с шерифом.

– Надеюсь, с ним всё в порядке, – подытожил Тирелл и нас тут же потрянуло. – Вот ведь!.. – вместо того, чтобы выругаться, он сжал зубы. – А ведь это последний полет этой ласточ-

ки на дальнейшее расстояние, – похлопал по штурвалу мужчины. – Завтра старший сын подарит мне новый самолет, ещё не облетанный. У меня три сына, – мужчина кивнул на панель управления, на которой я сразу же заметила фотографию в винтажном стиле. На ней я с легкостью узнала Тирелла, рядом с ним на стуле сидела миловидная женщина примерно его возраста, не старше пятидесяти, за их спинами стояли три парня разных возрастов. – Представляешь, родились с разницей в десятилетия: старшему уже тридцать лет, среднему двадцать, а младшему десять, – ухмыльнулся летчик. – Фото с прошлогоднего Дня благодарения. Из троих мы планировали только среднего. Первый родился слишком рано, нам было всего по двадцать лет, а последний появился когда нам было по сорок. В обоих случаях мы были шокированы беременностью. А теперь старший дарит мне новенький самолет, на который накопил всего за два года. Представляешь? Всего лишь два года! Мне бы пришлось полжизни пахать на новую ласточку, без учета расходов на пропитание. Хотя этот стервец ведь не обременен семейной жизнью. Мы со Сьюзи не прочь бы уже и внуков понянчить, а этот красавчик собирается жениться только следующей осенью. Первого внука обещает через пару лет, не раньше. Сначала он хочет попутешествовать с молодой женой... – нас снова сильно потрянуло. – Ну ничего, эта ласточка своё ещё не отлетала.

– Разве нет? – удивленно посмотрела на собеседника я, желая поддержать беседу, чтобы не казаться молчаливой

глыбой.

– Подлатаю её и в декабре подарю мужу младшей сестры на его сорокапятилетие. Его кляча развалилась еще в прошлом году, думаю, он будет рад получить бесплатно такой презент. Он с моей сестрой и их единственной дочерью как раз в Маунтин Сайлэнс живут. От них я и узнал об этом несчастном случае. Племянница в одну школу с погибшими девочками ходила.

– Погибли девочки? – я до сих пор не знала, что именно произошло и с кем, а этот летчик, брат незнакомой мне женщины из Маунтин Сайлэнс, уже был в курсе событий, хотя всё произошло не больше семи часов назад. Меня всегда поражали скорость и качество сарафанного радио, функционирующего в провинциальных городках.

– Насколько я понял, две девочки, обе подросткового возраста, но подробностей я не знаю, – пожал плечами Тирелл. – Зато я могу рассказать тебе кое-что о наших сегодняшних попутчиках, – протяжно зевнул мужчина, и я поняла, что он рад поболтать, потому как этот метод отлично помогает в борьбе со сном. Тем временем летчик продолжил: – Женщина, закутанная в шаль, совершает перелеты на моём самолете каждую субботу. Ей вроде как шестьдесят семь лет. У нее в большом городе три дочери и сын, есть двое внуков, а она сама живет в Дэф Плэйс с престарелым отцом, которому сейчас под девяносто должно быть. Старик такой бодрый, что, держу пари, лет до ста двадцати дотянет без про-

блем: живность всякую держит, на рынке молоком и яйцами еженедельно торгует, рыбалку не забрасывает, – Тирелл вновь зевнул, а я откинулась на подголовник и окончательно расслабилась, не смотря на молнии, блестящие совсем рядом с нами. – Мужчина с мальчишкой напротив не являются моими постоянными клиентами. Он бывший военный, в Дэф Плэйс живет всего год, в конце весны сошелся с дочерью местного хирурга и теперь сожительствует с ней в озерном доме. Вчера он был моим единственным пассажиром, я уже хотел отменять рейс, но мужская солидарность мне не позволила. Пару месяцев назад у него умерла старшая сестра, оставив сиротой двенадцатилетнего сына. Мальчишка некоторое время пожил с дедом и семьей младшей сестры погибшей, но там было слишком тесно, вроде как трое детей и недавно появился еще один... В общем этот бывший военный решил забрать к себе племянника. Ну, знаешь, лес, реки, охота, рыбалка... Судя по всему, оба парня рады такому раскладу, тем более подружка военного поддержала эту идею. Наверное, они всё-таки поженятся...

Примерно с этого момента меня снова начало клонить в сон. Я еще что-то услышала про “воздушную маршрутку”, видимо Тирелл вновь заговорил про свой старый-добрый АН-2, но потом монотонные гласные в совокупности с приглушенными согласными звуками, вылетающими из его неизменно улыбающегося рта, превратились в сплошное “бу-бу-бу-бу-бу”, и в итоге я вновь не заметила, как мой подбо-

родок упал на ключицу.

На сей раз мне ничего не снилось. Пару раз я слышала во сне хриплый женский голос, принадлежащий диспетчеру, но даже он не вырвал меня из сна. Однако выспаться мне так и не удалось: периодическая тряска и неудобная поза даже во сне вызывали у меня чувство дискомфорта. В итоге, когда Тирелл разбудил меня, я поняла, что не выспалась и, посмотрев на часы, смирилась с тем, что сегодня уже точно не смогу проспаться. Три часа полета остались позади: часы показывали без пяти минут восемь, мы заходили на посадку.

Глава 4.

Возле взлетной полосы стояло всего три транспортных средства: новенький форд эксплорер черного цвета, сильно подержанный хэтчбек тойота и запряженная в телегу лошадь. У форда уже обнимались симпатичная девушка с бывшим военным и его племянником, к телеге с лошадыю, которой управлял полностью седой старик, направлялась женщина в шерстяной шали, на сильно же подержанный хэтчбек облокотился индеец с длинными волосами, торчащими из-под вязаной шапки. На вид индейцу было не больше двадцати пяти лет, в руках он держал кусок картона, на котором крупными черными буквами была выведена моя короткая фамилия.

Отдав мне ключи от автомобиля, индеец поспешил вернуться в приземистое деревянное здание, в котором минутой ранее скрылся Тирелл. Вот и весь аэропорт: одна раздолбанная взлетная полоса да деревянная постройка, исполняющая роли зала ожидания, кассы, банкомата, мини-кафе, аптеки и туалета. Благо я ни в чем из вышеперечисленного не нуждалась.

Положив сумку с рюкзаком на заднее сиденье и оглядев-шись по сторонам, вдалеке я увидела домики, возвышающиеся на холме, врезанном в густой сосновый лес. Видимо это и есть Дэф Плэйс. Во время посадки Тирелл взболтнул, что,

согласно результатам прошлогодней переписи населения, в этом городе насчитывалось пятьдесят пять тысяч душ. Либо он преувеличивал, либо я сейчас видела лишь окраину этого лесного города.

Резко поднявшийся ветер обдал лицо неожиданным холодом и растрепал мои распущенные волосы. Сразу же придя в себя, я захлопнула заднюю дверцу автомобиля и шагнула к передней. Здесь определенно было холоднее, чем в южной части страны. Может быть мне стоило подумать о более теплом гардеробе? Хотя я взяла с собой перчатки и термокружку...

Класс! Вставив ключ в зажигание и провернув его, я сразу же обнаружила угрожающую пустоту в бензобаке. Неужели так сложно заправить арендное авто для агента CSIS? Банкрофт мог бы лучше организовывать поездки своим сотрудникам...

Ну и где здесь заправка?

Стоя на заправке, я прислушивалась к неожиданно резко повисшей в пространстве тишине. Ветер затих так же внезапно, как поднялся, и теперь присвистывал где-то в глубине вечнозеленых хвойных лесов. Из-за горной местности казалось, что величественный лес нависает над миниатюрной долиной, словно бескрайний зеленый океан накатывает на округу буйными волнами.

Счетчик на бензоколонке наконец щелкнул, но сделал это

как-то слишком громко, отчего я встряхнула плечами и заморгала. На кассе дежурила пожилая женщина, рядом с ней на табурете сидела и читала детскую книгу девочка лет пяти. Наверное внучка. В мегаполисе взять ребенка на работу не получилось бы даже у самой любящей бабушки, здесь же в подобном действии явно не видели никакой проблемы. Интересная разница.

Как только бак наполнился под завязку, я вернула запра-вочный пистолет на его место в колонке и на мгновение застыла. Неспроста это место назвали Дэф Плэйс. Место и вправду глухое. Даже свист ветра в далеких кронах деревьев какой-то “глухой”.

Я так и не смогла оценить Дэф Плэйс по достоинству – черта города заканчивалась в ста метрах от заправки, в пятистах метрах позади которой лежал город. Как только я миновала табличку с перечеркнутым названием населенного пункта, торчащую из покато́й обочины заржавевшим от времени железным столбиком с помутневшей вывеской, мои пальцы машинально потянулись к радиоприемнику. Так выяснилось, что в этом допотопном авто на волоске от неминуемой кончины пребывает не только печка, но и радио. Благо в моём телефоне имелся плейлист двухгодичной давности. Лучше, чем ничего.

Увидев деревянную табличку с резными буквами, сложен-

ными в фразу: “Добро пожаловать в Маунтин Сайлэнс”, – я с облегчением выдохнула. Машина, на которой я продиралась через густой лес, благо по идеально асфальтированной дороге, буквально трещала по швам. Я ехала ровно час, и за час между Дэф Плэйс и Маунтин Сайлэнс не встретила ни единого населенного пункта, ни единой живой души, за исключением лисы, перебежавшей мне дорогу на безопасном от моего бампера расстоянии. В какой-то момент я решила, что мой мобильный навигатор заглянул – может быть в этой глуши происходят перебои с интернетом? – но остановившись на обочине и проверив настройки, я с облегчением поняла, что всё еще продвигаюсь в верном направлении. Возможно если бы видимость дороги была получше, я бы не так сильно напрягалась, однако час езды через глухой лес в предрасветных сумерках на подозрительно трещащей и непростительно холодной тачке делал с моим настроением своё гнетущее дело. Поэтому в момент, когда я увидела грубую, но оттого и привлекательную деревянную вывеску с названием необходимого мне города, я позволила себе с облегчением выдохнуть. Подозреваю, что я выдохнула бы точно с такой же эмоцией даже если бы вывеска гласила о попадании мной в другой город: густой хвойный лес, давящий дорогу с обеих сторон, достаточно нагнетал и без того сумеречную обстановку, чтобы желать поскорее уже добраться “хоть куда-нибудь”.

На момент моего въезда в город рассвет уже начал рассасывать ночную мглу: утренняя серость предвещала пасмур-

ный день, как и обещала метеосводка. Лесной городок еще не проснулся после хэллоуинской ночи, серые улицы были пусты. Я машинально посмотрела на часы на приборной панели (хотя бы они в этой развалюхе работали чётко): 08:54.

Не имея понятия, куда именно мне необходимо ехать, я решила остановиться и пробить через интернет адрес местного полицейского участка, но вдруг заметила указатель с надписью “Объезд через мост Колд Найф”. Недолго думая, я прокрутила руль и свернула налево, в сторону, в которую указывала стрелка.

Проехав пятьсот метров вперед я поняла, что не ошиблась: под мостом, в рассветной серости, стояло несколько машин и копошились люди. Сбавив скорость, не доезжая до моста, я съехала на мелкий галечный настил, ведущий в их сторону.

Остановившись рядом с машиной скорой помощи, я сразу же заметила, что привлекла внимание некоторых копошащихся на берегу реки людей, и непроизвольно посмотрела в зеркало заднего вида. Встретившись с собой взглядом, я выдавила сквозь зубы: “Давай, Дэшиэл, займись работой”, – и, гулко выдохнув, открыла дверцу.

Уже подходя к стоящему ближе остальных людей мужчине, я мысленно отметила для себя, что он пристально наблюдает за мной с момента моего приезда на берег. Мужчина стоял со скрещенными руками на груди возле блестящего

пикапа бордового цвета, по состоянию которого можно было судить о его новизне. Это был шериф, его выдавала форма.

– Мисс, Вам нельзя здесь находиться, – внушительным мужским баритоном произнес он, когда между нами осталось не больше пяти метров.

– Всё в порядке, агент CSIS, – произнесла я, уверенно продемонстрировав свой значок и поспешно спрятав его обратно в нагрудный карман. – Дэшиэл Нэш, – уже остановившись перед шерифом, представилась я, и протянула ему свою руку.

– Гордон Шеридан, шериф Маунтин Сайлэнс, – незамедлительно протянул мне в ответ свою руку мужчина.

В момент, когда наши руки встретились, между нашими телами произошел немой разговор протяженностью в мгновение. Отчим учил меня здороваться с силой, говоря мне о том, что через рукопожатие человек может продемонстрировать собеседнику свою силу и уверенность, а сила и уверенность для агента CSIS всё равно что двустороннее весло для байдарочника – без него далеко не уплывешь. Я же планировала уплыть далеко, так что силу своего рукопожатия отточила едва ли не до идеала, но в этот раз сила руки моего нового знакомого заметно превзошла мою, что мне не очень понравилось. Едва уловимо сдвинув брови, я сжала руку шерифа Шеридана еще сильнее, но моя хватка всё равно безнадежно проигрывала его. Мне это не понравилось, так как мне предстояло работать с этим человеком ближайшие пару дней

и, по очевидным понятиям, не требующим гласного разъяснения, с момента моего прибытия на место происшествия именно я становилась *здесь* главной, поэтому я еще сильнее сдвинула брови и в это мгновение встретилась с Шериданом взглядом. Он улыбнулся одними глазами и в следующую секунду уголки его губ едва уловимо приподнялись вверх. То, что меня напрягло, его явно повеселило. И хотя этот момент продлился не больше пяти секунд, я была уверена в том, что он показался значимым для нас обоих.

Шерифу Шеридану на вид было не больше тридцати пяти лет, но я бы дала ему уверенные тридцать два года. Он был на полторы головы выше меня, значит приблизительно около метра восьмидесяти пяти – восьмидесяти восьми. Широкий ровный лоб, темно-синие глаза, ровно очерченная линия губ, однодневная щетина, судя по загару недавно отдыхал на каких-нибудь островах вместе с красавицей женой и их одним-двумя отпрысками. Этаким примерный семьянин, участвующий во всех спортивных школьных соревнованиях своих сыновей и всегда занимающий первое место по подтягиваниям на турнике среди других отцов. Летчик из Дэф Плэйс упоминал, что пару лет назад шериф Маунтин Сайлэнс в тандеме с местным егерем устроил ему и его кузенам отличную рыбалку. Значит, этот человек еще и хороший рыбак, дружит с егерем – наверняка есть опыт в охоте. Получается, с местным шерифом всё в порядке: жив, здоров, пышет бодростью и силой, стоит напротив меня в ковбойских сапогах

и шляпе. Тогда зачем здесь мог понадобиться агент CSIS?..

– Обрисуйте в подробностях, что именно здесь произошло, – официальным тоном попросила – или потребовала? – я, засунув руки в передние карманы джинс и переведя взгляд на реку, возле которой суетилось несколько мужчин. При помощи автокрана они пытались вытащить что-то из-под толщи холодной воды.

Беспросветная серость в пространстве и темнота воды немного нагнетали.

– На это невозможно смотреть, – вдруг проворчал подошедший к нам сухожилистый старик, тоже одетый в ковбойские сапоги и шляпу. – Они уже битый час пытаются достать её и еще час провозятся, – старик явно обращался к шерифу, но договорив перевел взгляд на меня.

– Это агент CSIS Дэшиэл Нэш, – решил представить меня Шеридан, но не успел он договорить, как я уже увидела в глазах старика неприкрытое неудовлетворение.

– Это и есть тот самый агент, которого мы ждали всю ночь? – не скрывая разочарования в тоне, осмотрел меня с головы до ног старик. – Девчонка агент?.. У них что, кроме детей никого не осталось? Я умываю руки, Гордон. Промерз здесь с тобой до костей, а результата никакого, если не считать “агента”, – он выделил слово “агент” так, словно вместо него хотел произнести слово “дитя”. – Я уезжаю. Моя Пальмира себе уже места не находит. Будут новости – звони.

Сказав это, старик уверенным шагом прошествовал мимо

меня к старому пикапу ржавого цвета. Его хотела проводить крупная пушистая собака белоснежного цвета, предположительно породы пиренейская горная, но шериф окликнул её:

– Вольт, к ноге, – требовательно произнес он, после чего пес без промедлений вернулся обратно и прильнул к левой ноге шерифа. – Не обращайтесь внимания, старик просто не выспался.

– Кто это? – зачем-то решила поинтересоваться я.

– Бенджамин Сафиан, бывший местный шериф, на самом деле отличный мужик, когда выспится и заправится крепким кофе...

– Так что здесь произошло? – перебила собеседника я, сделав тон своего голоса еще более твердым – меня определенно задел тот факт, что меня буквально обозвали ребенком, даже не смотря на то, что к подобному отношению к себе за последние пять лет службы в CSIS я уже успела порядком привыкнуть. Но, видимо, моя привычка работала только на моей территории: похоже за пределами привычного мне мегаполиса, в толпах которого мне было проще считать себя мелкой, мне хотелось, чтобы меня воспринимали как грозного агента Канадской службы разведки и безопасности, ну или как минимум не обдавали меня снисходительным взглядом.

– Изначальная версия такова: на частной вечеринке, устроенной в честь Хэллоуина, пятеро подростков немного напились, после чего угнали родительский автомобиль, но

не справились с управлением и вылетели в реку с моста. В результате три девушки погибли, еще одна сейчас находится в городской больнице в состоянии комы – её успел вытащить из реки пробегающий мимо парень.

– Но Вы сказали, что их было пятеро, – с упавшим сердцем произнесла я, всё же внешне не подав вида, что меня поразила полученная информация.

Пятеро подростков! Двое – это уже слишком много, но пятеро – это неопределимо болезненное количество. Мне даже не хотелось думать о несчастных родителях...

– Пятый пропал без вести, – произнес шериф, но, встретившись со мной взглядом, успел пояснить прежде, чем я огласила бы наводящий вопрос. – Место водителя оказалось пустым, предположительно тело водителя унесло вниз по течению.

– Вы знаете, кто был пятым?

– Мы не владем точной информацией, но предполагаем, что пятой девочкой может быть шестнадцатилетняя Дакота Галлахер, – шериф перевел взгляд на мужчину, стоящего в ста метрах от нас у самого края реки. Нервно вглядываясь в толщу воды, он нервно теребил в руках свою шапку. – Это её отец. Говорит, что дочь пропала как раз накануне.

Я отвела взгляд от профиля убитого горем родителя. Смотреть на него было невыносимо.

– Предполагаю, CSIS подключили для того, чтобы не осталось сомнений в том, несчастный ли это случай, – неодно-

значным взглядом посмотрел на меня собеседник.

Сомневается в том, что случай несчастный?.. Или просто показалось.

Я уже хотела спросить у него о его профессиональном мнении, при этом совершенно не сомневаясь в том, что случай действительно несчастный, когда у самого края реки закричал один из трех маячивших там мужчин:

– Твою ж мать, Том, поднажми!.. Жми, мать твою, на рычаг!

В этот момент я заметила, как из воды начинает показываться что-то плоское и черное. Машина.

– Вам не предоставили нормальной техники для подъема автомобиля со дна? – направляясь к полосе воды медленным шагом, поинтересовалась у шерифа я.

– Шутите? Нам предоставили двух аквалангистов и одного агента CSIS – это уже джекпот, – бодро ухмыльнулся Шеридан, и я сразу же посмотрела на него. По выражению его лица было понятно, что это не сарказм. Значит пытается сгладить слова старика Сафиана, нарочно демонстрируя, что воспринимает меня всерьёз. Что ж, пожалуй мы можем сработаться. – Автокран принадлежит Тому-старшему, но так как у него сегодня сильное похмелье, он выступает в роли инструктора, пока Том-младший управляет машиной. Первый хреновый инструктор, второй никакой водитель, так что возимся уже второй час.

– А что с... Пострадавшими, – я осеклась.

– Выжившая в больнице, как я уже говорил, трое в морге. Тела мы достали в первую очередь.

Машину уже почти вытащили из реки. Огромный черный мерседес – один из тех автомобилей, рулевое колесо которого равноценно моей месячной заработной плате.

– Кому принадлежит автомобиль?

– Местному бизнесмену, фамилия Оуэн-Грин. Его дочь – одна из трех погибших девушек.

– Том, мать тебя дери, останавливай лебедку! – вновь разразился охрипшим голосом Том-старший.

Машину вытаскивали из реки при помощи цепи, закрепленной на крючке под передним бампером автомобиля – очевидна работа аквалангистов, которых ранее упомянул Шеридан. Вода, должно быть, сейчас очень холодная, если не ледяная. Но кто-то, явно не профессиональный аквалангист, явившийся на место происшествия значительно позже, нырнул в полноводную реку и успел вытащить из тонущей машины одну девушку прежде, чем та успела захлебнуться. Это произошло ночью, значит вода в реке была еще холоднее... Кто и как это сделал?

– В котором часу это произошло?

– В пять минут пополуночи, – не моргнув выдал максимально точный ответ Шеридан.

– А кто... – я уже хотела спросить, кто именно вытащил из ледяной воды одну из девушек и позвонил в службу спасения, но стоящий в нескольких метрах от нас Том-старший

разразился невообразимо громкой руганью, как для человека, пребывающего в глубоком похмелье.

– Том, твою ж *** ***, что ты творишь?! Немедленно останови кран!!! Ты поднимаешь машину в воздух!!!

Мерседес и вправду начал уверенно подниматься куда-то вверх над берегом.

– Рычаг заело!!! – прокричал в ответ из кабины Том-младший, после чего Том-старший разразился аналогичной руганью в сторону своего автокрана, пока мерседес продолжал уверенно взмывать вверх. Вся его верхняя часть уже висела в воздухе, а нижней не хватало еще пары десятков сантиметров, чтобы отправиться в свободный полёт – ситуация становилась опасной. Я сделала шаг вперед одновременно с Шериданом, видимо мы оба хотели помочь Тому-младшему, но в этот момент мерседес издал странный хлопок: его багажник раскрылся под напором воды, находящейся в нем, и изверг из себя огромную волну, остановившуюся в пяти сантиметрах от носков моих ботинок. Я сразу увидела *это*. Багажник выплюнул из своего широкого черного и беззубого рта не только воду, но и что-то большое, темное, распухшее...

В десяти шагах передо мной вывалилось в грязную лужу человеческое тело.

Я почувствовала, как содрогнулась каждая клеточка моего тела. Затем я ощутила спазм в желудке. Оглядевшись по сторонам стеклянным взглядом и убедившись в том, что пя-

теро мужчин сосредоточены на трупе, а не на мне, я поспешно отошла обратно к бордовому пикапу и, зайдя за него, замерла. Я успела намотать волосы на левую руку и правой рукой схватиться за прицеп пикапа за секунду до первого рвотного позыва. Второй позыв последовал следом за первым и продлился на целых семь секунд дольше первого.

Чтобы избежать третьего спазма я заставила себя согнуться и начала делать глубокие вдохи носом, искренне желая избежать повторного захода, в ушах совсем немного звенело. Я успела досчитать до пяти, когда за моей спиной раздался голос шерифа:

– Всё в порядке?

Фак!!! Неужели он это видел?! Да, блин, по-любому всё видел...

– Это Дакота Галлахер? – закрыв глаза и запрокинув голову, на выдохе выдавила я, не оборачиваясь и не отпуская накрученных на левое предплечье волос.

– Нет, это кто-то другой.

Вот ведь!.. Образ разбухшего от воды трупа вновь возник перед моими глазами и в следующую секунду я вновь согнулась наполовину. Всё ещё держась правой рукой за прицеп пикапа, я медленно, но верно осознавала, что из отпуска я, скорее всего, не выйду.

Глава 5.

Сидя в полицейском участке за столом шерифа, я постукивала закрытой шариковой ручкой по лежащему передо мной блокноту и пыталась сопоставить факты. Четыре трупа, один пострадавший в коме, еще одно тело прямо сейчас в толще ледяной воды разыскивает пара аквалангистов, все бывшие в затонувшем автомобиле – женского пола. Картина ужасающая, особенно когда начинаешь думать о родственниках погибших девочек. Слишком много жертв.

Напились, взяли родительскую машину покататься, не справились с управлением и вылетели в реку. Всё так идеально сходится...

Переведя взгляд с окна, возле которого, облокотившись о подоконник и скрестив руки на груди, стоял шериф, я вновь посмотрела на сидящего передо мной парня. Широко распахнутые темно-голубые глаза, не лишённые обаятельной наивности, каштановая копна волос, четко очерченные линии губ и глаз, из-за высокого роста и атлетического телосложения не скажешь, что ему всего лишь семнадцать лет. Парня зовут Киран, это он несколькими часами ранее вытащил одну из девушек из тонущего автомобиля, чем, возможно, спас ей жизнь – девушка всё еще пребывает в коме. Кто-то мне этот парень напоминал, причем очень сильно, но кого именно – я никак не могла уловить.

По словам Кирана всё произошло следующим образом:

1) Он не видел, как именно автомобиль попал в реку, слышал лишь сильный всплеск. Тонущий автомобиль он увидел в момент, когда на поверхности воды оставалась лишь его крыша.

2) Он побежал к реке, на ходу успев позвонить шерифу.

3) Не снимая с себя одежды парень бросился в воду.

И вот здесь начинается самое интересное. Парень утверждает, что сначала он подплыл к водительскому месту, но оно оказалось пустым. Не смотря на это он предпринял попытку открыть водительскую дверцу, но она оказалась заблокированной, как и задняя дверца со стороны водителя, которую он дернул второй. На последнем дыхании парень добрался до другой стороны автомобиля и поочередно дернул обе дверцы – обе открылись. То есть либо левые дверцы были заблокированы отдельно, либо их просто заклинило – неизвестно. Три девушки, расположившиеся на заднем сиденье, были не пристегнуты ремнями безопасности. Наверное поэтому (парень так считает), он бросился спасать девушку, сидящую на переднем сиденье, которая была пристегнута ремнем. Говорит, что надеялся, что те три девушки сами всплывут, хотя теперь он осознает, что это было невозможным, так как все трое на тот момент уже находились в бессознательном состоянии. Отстегнув девушку с переднего сиденья, тоже не подающую признаков жизни, он начал подниматься с ней на поверхность. Он не был уверен, что у

него получится, так как к тому моменту запаса кислорода у него практически не осталось, но каким-то чудом у него всё же вышло добраться до поверхности реки не выпустив тела пострадавшей. Вытащив девушку на левый берег реки, парень какое-то время делал ей искусственное дыхание и массаж сердца. Он уже думал, что у него ничего не выходит, как вдруг девушка начала отплевывать воду, после чего он смог нащупать её пульс. Как только у спасенной восстановилось сердцебиение, парень хотел вернуться назад в реку, хотя из-за холода не был уверен в том, что у него получится выдержать второй заход. В этот момент на берег въехал автомобиль шерифа. Именно шериф вытащил из воды остальных девочек. Когда он поднял на поверхность первую из них, врачи скорой помощи уже стояли на берегу. В итоге удалось спасти только ту девочку, которую вытащил Киран – остальные успели захлебнуться.

И вроде как в этой истории всё чётко расписано, всё так ровно и правдоподобно... И всё равно что-то в ней меня смущает. Но... Что?

– Вода в реке холодная, – едва уловимо прищурилась я и снова посмотрела на сидящего передо мной парня.

– Течет по долине из горы, – утвердительно кивнул головой парень, – она даже летом не бывает теплой.

– А ты просто взял и нырнул, – поджала губы я.

– Думаю, сработал выброс адреналина. И потом, я хороший пловец.

– Напомни, как именно ты оказался на месте происшествия в столь поздний час?

– Последние пять лет я каждые выходные совершаю ночные пробежки. В будние дни бегаю по утрам. Усиленно тренируюсь, хочу в следующем году поступить в полицейскую академию.

Я поджала губы еще сильнее. Парень грезит о полицейской карьере, как когда-то о ней грезила я. Вот только ночными пробежками я не занималась и тонущих девочек из горных рек не спасала. Кажется, у этого героя в полиции больше шансов, чем у меня в CSIS.

– Где ты живёшь?

– На озере.

– На озере? – приподняла брови я. – Можешь показать на карте? – я кивнула на небольшую и помятую карту города, удобно лежащую на столе.

– Вот здесь, – парень уверенно ткнул пальцем возле небольшого голубого пятна с красноречивым названием “Омут”.

Я внимательно посмотрела на карту.

– Ты сказал, что выбежал из дома без пятнадцати полночь, а у моста Колд Найф оказался в пять минут первого. Однако расстояние между этими двумя пунктами говорит о том, что ты не мог оказаться у моста в пять минут первого, только если ты не бегаешь со скоростью тридцать миль в час.

– Но сегодня я ночевал не у себя дома, – парень ткнул

пальцем в другую часть карты, – я ночевал у родителей отца. От них я и отправился на ночную пробежку.

Я сдвинула брови. На сей раз расстояние было правдоподобным.

– Кто может подтвердить факт твоей ночевки у дедушки и бабушки?

– Они и могут подтвердить. Еще отец знал о том, что я у них ночую. И пара соседей меня видели.

– Хорошо. Я поговорю с твоими родственниками. И еще, ты сказал, что прежде чем нырнул, ты позвонил в 911.

– Нет, я сказал, что позвонил шерифу, – поспешно захлопал пушистыми ресницами парень.

– Шерифу? Но это и есть 911.

– Нет, я позвонил ему на мобильный.

– На личный телефон шерифа? – я посмотрела на Шеридана, всё еще стоящего у окна со скрещенными на груди руками, и, получив от него подтверждающий кивок, вновь вернула свой взгляд к своему допрашиваемому. – Откуда же у тебя в записной книжке оказался личный номер шерифа, парень?

Парень отчего-то вдруг впервые за весь разговор замялся, хотя до этого явно не проявлял никакой робости.

– Ну... – наконец выдавил первый кандидат в подозреваемые, если бы только это не был несчастный случай. – Просто он мой отец.

– Кто твой отец? – непонимающе уставилась на парня я.

– Я Киран Шеридан. Шериф – мой отец.

Я посмотрела широко распахнутыми глазами на шерифа. Шеридан?.. Теперь ясно. Вот кого этот парень всё это время мне напоминал.

Полицейский участок Маунтин Сайлэнс выглядел максимально непритязательно: старое одноэтажное деревянное строение с широким крыльцом и большими зарешеченными окнами, на деревянной двери, закрывающейся внушительным сувальдным ключом, в качестве дополнительной защиты используется обыкновенный амбарный замок. Вот и вся безопасность. Никакой сигнализации, никаких железных дверей, всё просто до неприличия. В участке всего три комнаты: слева от прихожей в виде узкого коридорчика располагается комната с двумя узкими зарешеченными камерами, расположенными друг напротив друга, справа кабинет шерифа с двумя шкафами, тремя столами и одной кованой дровяной печкой, сразу за кабинетом прячется заброшенная комната для допросов с наполовину оторванной входной дверью, через которую видны столы, заваленные стопками бумаг и заставленные картонными коробками. Деревянный пол скрипит, через щели в оконных рамах в комнаты проникает сквозняк, от дров, лежащих у железной печки, по полу разметались опилки и кора, старый торшер на одном из подоконников обвит легкой, покачивающейся на едва уловимом сквозняке паутинкой. Уборщицы здесь не было как мини-

мум год. Но мне даже понравилась вся эта винтажно-запы-
лившаяся обстановка. В полицейском участке Маунтин Сай-
лэнс словно застыло само время: в пожелтевших картах на
стенах, в потрескавшихся оконных рамах, в полинявших и
выцветших от солнечного света занавесках, в пылевых ча-
стицах минувших лет, разбросанных на подоконниках...

Уже выйдя из участка и остановившись на крыльце в ожи-
дании, пока шериф Шеридан закроет амбарный замок на
скрипучей двери, я заметила покосившиеся и почерневшие
от времени деревянные цифры, висящие высоко над входной
дверью, почти под самой крышей – 1950. Ноль покосился
больше других цифр. Видимо имелся ввиду год постройки
этого до смешного неправдоподобного, как для полицейско-
го участка, здания.

Я гулко выдохнула, попытавшись представить себя шери-
фом в забытом цивилизацией городке. Представить не полу-
чилось, но странная уверенность в том, что мне могло бы по-
нравиться (теперь, а не полгода назад) внезапно поселилась
в моей голове.

Не дожидаясь Шеридана, я отправилась к своему автомо-
билю и уже спустя полминуты предприняла попытку его за-
вести, но неожиданно потерпела неудачу. Не сразу поняв,
что именно произошло, я совершила повторную попытку за-
пустить мотор, но на сей раз он закрихтел еще громче, после
чего с красноречивым надрывом заглох. В момент, когда я
попыталась снова, Шеридан отошел от своей машины и на-

правился в мою сторону.

– Не заводится? – остановившись напротив, скорее констатировал, нежели спросил он.

– Терпеть не могу арендованные тачки, – сдерживая раздражение, выдавила я в открытое окно.

– Давайте я посмотрю.

Не дожидаясь моего соглашения, шериф поднял капот этой клячи без помощи специально предназначенной для этого действия кнопки, расположенной внутри салона автомобиля. Тот факт, что у этой рухляди оказался еще и капот сломан, вызвал внутри меня еще большую волну досады.

– У меня самого служебный автомобиль уже месяц как на ремонте стоит, – невозмутимо произнес Шеридан, когда я подошла к нему справа. – Механик говорит, что простоит еще минимум месяц, но я бы на его месте не был столь самонадеян. Автомобиль одного года рождения с моим отцом: для человека еще сносно, но для машины уже приговор.

Я машинально бросила взгляд на автомобиль Шеридана. Казалось, что блестящий бардовый пикап только вчера покинул пределы автосалона. Дорогостоящая тачка. Откуда у шерифа забытого миром городка могут быть деньги на столь недешевую вещь?

– На Вашем месте я бы тоже решил, что он спасшийся, а не спасший, – вдруг выдал Шеридан.

– Что? – решив, что за мыслями о машинах, я пропустила часть слов собеседника, переспросила я.

– Я о Киране. Водителя в затонувшем автомобиле нет, тела Дакоты Галлахер тоже нет, зато есть парень, всплывший на поверхность. Предположительно он спас одну девушку, но она в коме, так что ничего нам не расскажет, по крайней мере до тех пор, пока не очнется, если вообще очнется. Киран идеально подходит на роль спасшегося водителя, верно? – Шеридан разогнулся, по-видимому закончив копаться в аккумуляторе, но капот не захлопнул. Мы встретились взглядами. – Вот только у парня железобетонное алиби: его ночевку у моих стариков могут подтвердить не только они и я, но и несколько соседей. Сейчас мы едем к Оуэн-Гринам, владельцам затонувшего автомобиля, можете поинтересоваться у них, присутствовал ли Киран этой ночью на вечеринке в их доме.

– Уверена, он не присутствовал, – отчего-то сдавленным тоном ответила я, слегка прищурившись.

Ничего мне не ответив, Шеридан выждал несколько секунд, после чего хлопнул капотом.

– Попробуйте завести теперь.

Ощувив мурашки, пробежавшие по спине из-за жестяного хлопка капотом, я обошла Шеридана и села за руль. На сей раз зажигание сработало с первого раза. Удовлетворенно кивнув головой, Шеридан направился к своей блестящей машине, в прицепе которой сидел белоснежный пиренейский горный пес. Я застыла, наблюдая за уверенной походкой шерифа, с неосознанной силой сжав рулевое колесо. О чем он,

волок его дери, говорит?.. Это ведь несчастный случай. Подозреваемых здесь не должно быть...

Не успела я подумать об этом, как еще сильнее сжала руль в своих руках. Я ведь сама еще пятнадцать минут назад отбавывала вариант, в котором за произошедшим мог бы стоять определенный человек. Шеридан слышал мои вопросы, задаваемые парню, видел, как я на него смотрела... Он сам мог подозревать своего сына. Естественно, он так же может его покрывать, но... Это несчастный случай. Определенно. Пьяные дети за рулем родительского автомобиля.

Следуя за пикапом Шеридана, знающим дорогу к дому Оуэн-Гринов, я старалась не смотреть на белоснежного пса, сидящего в его прицепе, радостно смотрящего на дорогу с вывалившимся языком из улыбающейся пасти. Слишком радостным для этого серого городка казался мне этот пёс. Слишком чистым.

Глава 6.

Дом Оуэн-Гринов казался не домом вовсе, а скорее полноценным особняком или даже резиденцией. *Слишком* ухоженный двор со *слишком* ровно подстриженными деревьями перед *слишком* вычурной террасой. *Слишком* просторные коридоры, *слишком* большие комнаты, *слишком* высокие потолки... В подобных хоромаш должно быть *слишком* сложно накопить уют: весь взмывает к *слишком* высоким потолкам или выветривается через *слишком* широкие панорамные окна. Интересно, как миссис Оуэн-Грин справляется с этой “проблемой”? Каждый вечер зажигает камин и свечи, установленные в позолоченных канделябрах? Печет капкейки десятками и пользуется ароматическими палочками, чтобы заполнить хотя бы треть всего имеющегося в её распоряжении пространства признаками присутствия здесь человека? Включает музыку так громко, чтобы высокие стены не успевали поглощать её сразу, с первых нот, и заполняет большие шкафы шерстяными пледами, чтобы хоть как-то согреть внутренности этого громадного мифического существа?.. Я бы не смогла жить в таком доме. В таком доме всегда будешь чувствовать себя *слишком* маленьким, даже если сам по себе ты великий и не обделен властью. Пропорции *слишком* не равны.

Пятью минутами ранее мы закончили разговор с мис-

сис Оуэн-Грин и двумя её сыновьями: старшему двадцать один год, младшему семнадцать. Пэрис Оуэн-Грин было пятнадцать. Единственная дочь и сестра. Утрата непомерная. Мать находилась почти в невменяемом состоянии, оба парня были настолько подавлены, что, казалось, еще чуть-чуть и разревутся упав прямо на ссутулившиеся плечи матери, прячущей своё мокрое лицо в дрожащих ладонях. Младший не убирал своей руки с материнских плеч, старший сидел чуть поодаль и был настолько бледен со своими покрасневшими от слез глазами, что казался слегка пришибленным горем. С этой троицей не имело смысла пытаться наладить конструктивный диалог, поэтому оставив их в *слишком* большой и не до конца убранной после вечеринки гостиной, мы с Шериданом отправились в кабинет мистера Оуэна-Грина и, уже сидя в *слишком* мягких креслах и наблюдая за тем, как хозяин дома потягивает виски из бокала, периодически опускающегося на кипу бумаг на его захламленном рабочем столе, ожидали ответов хотя бы от него.

Пока мы шли по подъездной дороге к особняку, Шеридан примерно обрисовал мне, что именно из себя представляет семейство Оуэн-Грин: сорокавосемилетний Максвелл управляет крупной риелторской компанией (иными словами – занимается продажей и арендой недвижимости), его жена Сабрина по совместительству является его секретарем. Бонус к успешной риелторской карьере и внушительному финансовому состоянию – три ребенка: старший Джастин,

средний Зак и младшая Пэрис. Теперь детей осталось двое.

Из того, что нам удалось узнать за пятнадцать минут пребывания в особняке Оуэн-Гринов, всё подтверждало несчастный случай с участием алкоголя и без участия родителей. Максвелл и Сабрина Оуэн-Грин знали о том, что их дети хотят устроить вечеринку в честь Хэллоуина: “Это уже третий год, когда дети устраивают эту вечеринку без нашего участия”, – плача в ладони, говорила Сабрина Оуэн-Грин. – “Предыдущие два года всё проходило *хорошо*”.

На момент проведения подростковой вечеринки супруги Оуэн-Грин находились на своей квартире в Дэф Плэйс. Им позвонили около часа ночи, они, естественно, спали...

– Мистер Оуэн-Грин, я заметила, что на периметре Вашей территории ведется видеонаблюдение, – выдохнув, постучала автоматической ручкой по исписанному блокноту я, и перевела взгляд на миниатюрный блестящий диктофон черного цвета, лежащий на краю стола передо мной.

– Вот, – холодно ответил хозяин дома, положив перед собой флешку. – Я знал, что полиции будут интересны эти записи, – мужчина специально проигнорировал тот факт, что я не из полиции. С того момента, как он увидел мой значок агента CSIS, он не скрывал своего снисходительно-презрительного отношения к моей персоне. То ли тоже считает меня соплячкой, то ли просто считает недостойным уделять особенное внимание тому, кто по возрасту являясь младше него имеет в своих руках ббольшую власть. – Но эти записи

Вам не помогут.

– Вы с ними уже ознакомились, верно? – я прикрепила закрытую ручку к корешку уже закрытого блокнота. Мы заканчивали. – Скажите, почему Вы уверены в том, что записи с Ваших видеокамер нам не помогут?

– Потому что с полудня вчерашнего дня камеры были отключены. И потому что моя дочь погибла вследствие несчастного случая. А вы, – теперь Максвелл обращался к Шеридану, хотя продолжал говорить о нас двоих, – должны понимать, какое горе постигло родителей погибших детей, чтобы являться на их порог всего спустя несколько часов после случившегося.

– Я мог сказать ему, что наш визит был необходим, но кому бы от этого стало легче? – отвечая на мой вопрос о том, почему он промолчал (я сама не знала, почему не ответила), Шеридан уверенно шагал по подъездной дороге, в конце которой были припаркованы наши автомобили, и я старалась не отставать от его широкого шага.

– Я не могла не спросить... Вы понимаете, – прикусила нижнюю губу я. – И потом, Вы сами хотели, чтобы я задала этот вопрос.

Я что, начинала оправдываться? Что за бред? В конце концов я агент, а не психолог, плевать я должна на подобного рода тонкости.

– Да. И я рад, что Вы это сделали, – не колеблясь ни секун-

ды, ответил Шеридан, посмотрев на меня через плечо. Си-нева его глаз сильно контрастировала с небесной серостью.

Уже покидая особняк, попрощавшись с миссис Оуэн-Грин я вдруг решила спросить у сидящих рядом с ней сыновей, не смотря на то, что Шеридан находился прямо за моей спиной:

– Кирана Шеридана ведь не было на вечеринке?

Уже позже я поняла, что вопрос задала не скрывая того, какой именно ответ на него я желала бы получить.

– Нет, – отрицательно замахал головой младший из братьев, Зак. Он был очень красив для своих семнадцати лет, с густой каштановой шевелюрой и густыми мокрыми ресницами.

– Почему ты так уверен? – почему-то не отступала я (потому что хотела поставить в этом вопросе жирную точку). – Сам ведь говорил, что на вечеринке было около сотни человек, ты мог и не заметить его.

– Нет, Кирана точно не было, – всё так же уверенно замотал головой парень. – Накануне я пригласил его, но он сказал, что никак не сможет прийти... У него... У его бабушки умер пёс, он обещал провести этот вечер с ней.

Словно гора с плеч.

– Хорошо, – неосознанно выразила вслух неприкрытое удовлетворение я. – А кто из вас двоих перед вечеринкой выключил камеры наблюдения?

– Никто, – на сей раз подал голос старший брат. Он со-

всем не был похож на Зака. Выше минимум на голову, волосы не мягкие, как у брата, а жёсткие, словно у ёжика, голос выразительный, не мальчишеский, а именно мужской, глаза не карамельные, намного темнее, скулы острые, губы тонкие. Цвет кожи заметно бледнее, белки глаз порозовевшие от невыплаканных слез. – Камеры выключила Пэрис, – наконец добавил он, так и не дождавшись от меня давящего вопроса. – Не хотела, чтобы... Ну, знаете... Чтобы родители смогли оценить масштабы вечеринки... – не смотря мне в глаза, парень наблюдал за своим указательным пальцем, выводящем на подлокотнике дивана замысловатый узор.

Миссис Оуэн-Грин горестно всхлипнула, всё еще не показывая лица из своих влажных ладоней. Зак сразу же обнял свою мать еще сильнее, а Джастин поджал губы так сильно, что, продолжи я за ними наблюдать, наверняка увидела бы на них синеву.

– Что хотите делать дальше? – вдруг остановился напротив моей машины шериф, своим вопросом вырвав меня из размышлений, что заставило меня растеряться.

– Оу... Я... – я посмотрела на свои наручные часы. Без пятнадцати одиннадцать. И вправду, что дальше? Стоит ознакомиться с записями с видеокамер Оуэн-Гринов и позвонить в морг: вдруг опознание тела, найденного в багажнике, уже завершилось?

– Вы наверняка голодны. Я тоже не завтракал, так что предлагаю пообедать в местном кафетерии и обсудить име-

ющуюся у нас информацию, – так и не дождавшись, когда я соберусь с мыслями и выдам членоразборный ответ, решил проявить инициативу Шеридан.

– Что ж, неплохая идея, – немного поспешно согласилась я, опустив руку с часами.

Блин, он видел, как меня стошнило у озера, да еще и возле его блестящего пикапа!.. Что теперь обо мне думает этот (не в плохом смысле) дровосек? “У девочки слабый вестибулярный аппарат, её стоит покормить”? Блин, да у меня на самом деле весьма сносный вестибулярный аппарат... Но поесть я сейчас хотела действительно сильно.

Сев за руль тойоты, я снова поехала за пикапом Шеридана. Его пёс опять высунул голову за борт прицепа и подставил свою улыбчивую морду встречному ветру. Люблю собак.

Глава 7.

Эту гору было видно с любой точки Маунтин Сайлэнс. Величественная и немая, она возвышалась над городом суровым гигантом, перекрывая своим естеством весь юг. Зрелище завораживающие и открытое с любого ракурса в этом мелком городишке (особенно мелком на фоне горы).

Припарковавшись у кафетерия с красочным названием “Гарцующий олень” и соответствующей названию резной вывеской, я вылезла из машины и мой взгляд сразу же врезался в эту впечатляющую гору камней. Люди, должно быть, уже привыкли к такому величию, привыкли чувствовать себя мелкими сошками, копошащимися у подножия самого времени. Наверное, я бы тоже смогла когда-нибудь привыкнуть. Но не не замечать такой красоты никогда не смогла бы. Даже если бы мне выкололи глаза, я бы продолжала чувствовать давление этой горы на всё пространство вокруг. На меня...

Поистине завораживает.

Из транса меня вырвал завозившийся со своим псом Шеридан. Открыв прицеп пикапа, он позволил псу выпрыгнуть на мелкую песчаную гальку, после чего тот, радостно лизнув руку своего двуногого друга, поспешно скрылся в кустах густого можжевельника.

В кафе я зашла вслед за шерифом, намеренно сбавив шаг,

чтобы он вдруг не вздумал по-джентельменски открывать передо мной дверь. В конце концов, я в первую очередь агент CSIS, а потом уже девочка, стоящая на трясущихся ногах и срыгивающая ранний завтрак – или это всё-таки был поздний ужин? – за пикапом местного правоохранительного лица.

Не стоило мне вспоминать причине этого инцидента. Как только я вспомнила об увиденном двумя часами ранее трупe, вывалившемся всего в десяти метрах передо мной, распухшем от воды и лежащем в грязи, мои плечи непроизвольно дернулись, но шериф, к счастью, смотрел на меня своей широченной спиной, так что в этот раз не заметил моего нервного спазма.

Мы заняли столик у выхода, по-видимому для того, чтобы Шеридан мог видеть своего пса, уже томно дожидającego возвращения своего хозяина на крыльце заведения. Крашенная блондинка лет тридцати в фартуке горчичного цвета подошла к нам с меню, но Шеридан не взял его, уверенно озвучив свой заказ:

– Суп-пюре из тыквы, два фирменных бифштекса с отварным картофелем, лепешка с сыром и луком, салат из фасоли и зеленый чай с лимоном.

Записав заказ шерифа, блондинка перевела на меня взгляд, в котором даже не пыталась утаить своё любопытство, явно вызванное не желанием узнать мой заказ, а желанием запечатлеть мой образ.

– Мне, пожалуй, тоже тыквенный суп-пюре... Ммм... – я задумчиво уставилась в достаточно объёмное меню, как для провинциального кафетерия.

– Могу посоветовать стейк из лосося в чесночном соусе с овощным гарниром, – решил проявить участие Шеридан.

– Да, пожалуй, этот стейк из лосося и еще черный чай с лимоном, мятой и мёдом.

– На десерт ничего не желаете? – решила уточнить официантка, когда я уже протягивала ей назад меню. Она спрашивала именно у меня, значит с привычками местного шерифа была хорошо знакома.

– Нет, спасибо, – решительно отказалась я. Мне для моего сурового образа супер-агентши CSIS только и не хватало, чтобы местные жители уже спустя пару часов моего прибытия в город начали распространять по своей излюбленной волне сарафанного радио приторные рассказы о том, что на десерт я предпочитаю тортики со сливочной помадкой. Нет, я более суровая: агенты CSIS не едят ни тортиков, ни мороженое, ни даже фруктовых нарезок. На десерт у них не тронутая ни единой нарезкой жёсткость напополам со сдержанностью. Мёд в чае – уже слишком много сахара.

– Гордон, это так ужасно, – приняв мой заказ, официантка вновь приковала взгляд к Шеридану, при этом прижав меню к груди. – Афина сейчас в больнице. Камелия до сих пор не пришла в себя. Мы все в шоке... Как Киран?

– С ним всё в порядке, – поджал губы Шеридан, наверное

попытавшись улыбнуться.

– Ты уже был в больнице?

– Нет, мы с агентом отправимся туда после обеда, – Шеридан кивнул в мою сторону, то ли желая напомнить собеседнице, что они здесь не одни, то ли таким образом желая меня представить.

– Вы агент CSIS?! – блондинка даже не попыталась скрыть своего удивления, в конце своего вопроса даже едва не взвизгнула.

На сей раз попыталась улыбнуться я – тоже поджала губы.

– Бернадетт, у нас сегодня много дел, можно оформить наш заказ побыстрее? – продолжая быть самой дружелюбно-стью, на сей раз Шеридан улыбнулся более правдоподобно.

– Всё будет сделано в лучшем виде, – весело заулыбалась Бернадетт и, уже уходя, озорно подмигнула своему собеседнику.

– Еще одна пострадавшая семья: Афина Фрост, единоличная владелица этого кафетерия и по совместительству мать Камелии, девочки, которую Кирану удалось спасти, – заговорил Шеридан, как только официантка отошла от нашего столика. – Если хотите, после обеда можем заглянуть в местную больницу, чтобы узнать новости по этой девочке и заодно посетим морг.

– Да, пожалуй так и сделаем, – отстранившись на спинку твердого дивана, сдвинула брови я.

Мне не нравилось, что этот мужчина опережал меня в вы-

строении структуры наших дальнейших действий. Посмотрев на него, я неосознанно начала заново оценивать его внешние данные – ковбойскую шляпу он снял, так что его лицо теперь было более открытым. Стрижка полубокс, вокруг синих глаз едва уловимые мимические морщинки – признак улыбчивого человека – над густыми, но ровно очерченными бровями, на ровном загоревшем лбу две горизонтальные морщинки, какие бывают только у мужчин. Под курткой шерифа, которую он только что снял, оказалось облаченное в клетчатую рубашку спортивное тело, чему я не была удивлена, за это время уже успев оценить его быстрые и неприкрыто сильные ноги. Он скорее больше походил на военного, а не на шерифа... Что-то в его образе определенно не “состыковывалось”. Но что?..

Встретившись с ним взглядом, я вдруг поняла что меня смущает. Его сын.

– Кажется, о Ваших вкусах в этом кафе знают всё, – решила начать издалека я.

– Да, мы с Кираном здесь часто перекусываем, – едва уловимо пожал плечами Шеридан.

“Почему часто?”, – мгновенно пронеслось у меня в голове. – “Не любите есть дома? Сейчас многие жены не умеют готовить. Значит, досталась такая жена? Но, тем не менее, ты её любишь, потому что ты несомненно из того типа мужчин, которые любят своих женщин не смотря ни на что. То есть вообще ни на что. Даже если её лицо будет покрыто та-

туировками, ты будешь её любить, потому что полюбил однажды. *Однажды* для тебя в таких вопросах синоним слову *навсегда*”.

– Киран замечательный парень, – подметила я. – Нырнул в ледяную воду, вытащил из реки девушку и откачал её, значит в совершенстве владеет навыками искусственного дыхания и массажа сердца... Вместо того, чтобы тусоваться с друзьями в Хэллоуин, ночует у бабушки, потому что та потеряла любимого пса. Практически идеальный сын. Его мать, должно быть, гордится им, – подытожила я, хотя была уверена в том, что навыки по спасению утопающего были привиты парню именно отцом.

– Наверняка гордилась бы, – ухмыльнулся Шеридан. – Саманта умерла, когда Кирану было пять.

– Оу... Мне жаль... – я хмурилась всё сильнее.

– Это было давно, так что уже не болит, – неожиданно улыбнулся мужчина.

– Должно быть, вы были сильно молодыми родителями, – не отступала я, желая докопаться до несостыковки, которая так резала мне глаза. – Кирану сейчас семнадцать. Я дала бы Вам тридцать два, но в таком случае выходит, что Киран родился, когда Вам было пятнадцать.

– Всё гораздо проще, – на сей раз по-настоящему лучезарно улыбнулся Шеридан. – Мне тридцать восемь.

Мои брови взметнулись вверх, что выдало моё удивление и заставило Шеридана усмехнуться вслух.

– Мы с сыном спортивные, так что наша внешность обманчива: он в свои семнадцать выглядит на двадцать, я в свои тридцать восемь выгляжу на тридцать два. Хотя месяц назад один турист-охотник дал мне тридцать пять, а его жена тридцать один. Думаю, женский взгляд склонен омолаживать мужчин.

– Вы действительно выглядите моложе своего возраста, и мой взгляд здесь ни при чем, – вновь сдвинула брови я. Никогда не была феминисткой, но в своей профессии всегда хотела казаться именно парнем, наверное поэтому его слова о “склонностях женского взгляда” меня немного заделли. – Итак, что мы имеем, – не переставая сосредоточенно хмурить брови, решила продолжить я. – В особняке Оуэн-Гринов была устроена вечеринка в честь Хэллоуина, во время которой подвыпившие подростки решили прокатиться на родительском автомобиле, что закончилось весьма плачевно... – Встретившись взглядом с Шериданом, я запнулась. Он внимательно меня слушал. Слишком внимательно, как будто старался продемонстрировать мне, что относится ко мне серьезно. А это еще хуже, чем если бы он напрямую решил повторить мне в лицо слова бывшего шерифа Маунтин Сайлэнс: “Девчонка агент? У них что, кроме детей никого не осталось?”.

Я выдохнула, почти кожей ощутив безнадежность, и сразу же почувствовала укол злости в районе горла:

– Вам есть что добавить, шериф?

– Следующую девушку, после спасенной Кираном Камелии Фрост, я вытащил приблизительно спустя двадцать минут после попадания автомобиля в воду. Ни у кого из оставшихся под водой не было шансов выжить, даже та девочка, которую каким-то чудом удалось спасти Кирану, сейчас находится в коме. Именно Киран оказался первым, кто нырнул в реку и кто еще, возможно, видел девушек живыми. Но вот что интересно: он утверждает, что водительская дверь была заблокирована и он не смог её открыть, и, что самое важное, он настаивает на том, что за рулем никого не было.

– Да, но дверь оказалась не заблокированной, мы проверили, её просто заклинило, по-видимому во время падения автомобиля в воду, что же касается водителя – видимость была плохая, он мог не заметить водителя или, допустим, водитель был не пристегнут и во время падения автомобиля и дальнейшего попадания воды в салон его могло отнести на задние сиденья...

– Не могло. Между передними местами и задними была установлена водительская перегородка.

– Водительская перегородка? – повела бровью я.

– Такая перегородка, которая отгораживает пассажиров от водителя. Удобно, если ты можешь позволить себе содержать личного водителя или хочешь отгородиться от сидящих позади тебя собственных отпрысков.

Я едва сдержалась, чтобы не закрыть глаза и не запрокинуть голову, или не стукнуть кулаками по столу. Почему я не

обратила внимание на перегородку? Я ведь осматривала автомобиль вместе с Шериданом. Тот факт, что водительская дверь не была заблокирована, я отметила сразу, а дурацкую перегородку пропустила...

– Ладно, – гулко выдохнула я, словно сдалась. – Что-нибудь еще?

– Я говорил, что Киран, возможно, последним видел девушек живыми, когда нырнул за тонущей машиной в реку, но вот что интересно: он говорит, что ни одна из девушек не была в сознании.

– Скорее всего они уже успели наглотаться воды.

– Возможно так и есть, ведь Киран говорит, что вода к тому моменту уже полностью заполнила салон, – по интонации Шеридана было понятно, что он сомневается в этом утверждении. – Но вот еще интересный факт: Киран оставил пассажирскую дверцу открытой, в надежде на то, что хотя бы кто-то из девушек сумеет всплыть самостоятельно, пока он поднимет на поверхность Камелию. Впоследствии я трижды нырял в реку и трижды находил девушек внутри салона автомобиля. – шериф врезался в меня своими синими глазами. Я знала, какой вопрос он сейчас озвучит, но промолчала, не желая озвучивать его сама. – Где водитель? – наконец выдал он. – Его могло унести течением только в случае открытой водительской двери, но эту дверь заклинило.

– Вы хотите мне сказать, что считаете, будто произошедшее может быть не несчастным случаем? – вновь повела бро-

Вью я.

– А Вы хотите сказать, будто исключаете подобную возможность?

Я замерла. Нет, я не дура, поэтому не могу исключать. Однако Ирвинг Банкрофт исключил. И явно не был бы в восторге, если бы его агент вдруг не разделил его однозначного мнения. *Но я не из тех, кто живёт и работает ради чьих-то восторгов.* Нет, я не исключаю.

– Ваш заказ, – официантка материализовалась у нашего стола как нельзя вовремя. Но даже её появление не позволило мне выдохнуть. Похоже, я снова становлюсь пружиной. Как всегда, когда дело начинает заходить в дебри, которые я всегда предвижу. Ну почему Банкрофт отправил сюда *именно меня?*..

Дебри.

Глава 8.

Стараясь делать вид, будто не замечаю того, как три официантки, стоящие у барной стойки в униформах горчичного цвета, с неприкрытым интересом наблюдают за нашим столиком, я доедала свой стейк из лосося. Оказалось, что фирменные стейки, которые заказал себе Шеридан, здесь делаются из лосятины и вполне могут испугать неискушенного кулинарного гурмана своими размерами. И тем не менее Шеридан справился со своей громадной порцией точь-в-точь за то же время, что я потратила на свою стандартную. Лосось оказался очень вкусным, пожалуй даже самым вкусным из тех, что я пробовала. Откровенно говоря, я не ожидала увидеть в этом городке приличную забегаловку с терпимым меню, а здесь вдруг не забегаловка вовсе, а приличное кафе с приличной отделкой и мебелью, и блюда свежие, сделанные из свежих продуктов, добытых в местных лесах, озерах и огородах. Даже интересно, что за “единоличная хозяйка Афина Фрост” стоит во главе этого скромного, но качественного гастрономического бизнеса. Впрочем с ней мне, похоже, выпадет случай познакомиться. Уж лучше бы не выпадал вовсе...

– Если бы Вы сидели на моём месте, Вы бы затылком чувствовали эти взгляды, – ухмыльнулся Шеридан, взяв в руки свою чашку с чаем. Я оторвала взгляд от официанток и

встретилась взглядом с шерифом. – Возможно Вы первый агент CSIS, ступивший на землю этого города. Может быть городским властям даже стоит вынести на площадь книгу для почётных гостей и попросить Вас в ней расписаться, – продолжал улыбаться он.

Не зная, как реагировать на подобные слова, я попыталась тоже улыбнуться. Кажется у меня получилось, но немного кривовато.

– В этом городе редко случается нечто *серьезное*? – для поддержания темы решила поинтересоваться я и сразу же взялась за чайник, чтобы налить себе еще немного каркадэ (чёрный чай у них закончился и обещал появиться только после выходных).

– В этом глухом угле вообще ничего не происходит, – после того внушительного количества мяса, которое он съел, его голос приобрел нотки удовлетворения. – Из “свежего”: семь лет назад во время охоты преподаватель истории в местной старшей школе оступился на склоне и шею свернул; девять лет назад в этих краях случилась суровая зима, звери начали чаще появляться в городе, в итоге гризли разодрал жившую на окраине старушку, пришлось его выследить и застрелить; одиннадцать лет назад один алкоголик по пьяни жену зарезал, я тогда здесь только помощником шерифа заделался. Вся криминальная история с летальными исходами в Маунтин Сайлэнс за последние два десятилетия до сих пор умещалась в этих трёх незамысловатых делах... – Шеридан

выдохнул, и я поняла этот выдох. Четыре трупа, пятый ищут, один человек в коме из которой не факт, что выкарабкается, и все девочки-подростки. Тяжелый случай.

– Выходит, Вы не местный? – зачем-то захотела поинтересоваться я.

– Я здесь родился и вырос, мой отец местный егерь. Меня достаточно долго не было в городе, восемь лет, если быть точным. Но потом я вернулся, – поджал губы мужчина. – Местному шерифу, старику Сафиану, как раз был нужен помощник, так что с работой вопросов не возникло. Старику уже тогда было шестьдесят три, все думали, что он уйдет на пенсию со дня на день, но после моего прихода он продержался еще девять лет. Три года назад его жену начал мучать радикулит, так что он всё-таки решил списаться на пенсию, чтобы больше времени проводить с ней.

– И кто же теперь Ваш напарник? – приподняла бровь я.

– У меня нет напарника, – невозмутимо пожал плечами Шеридан. – Да он здесь, по сути, и не нужен. Вообще в Маунтин Сайлэнс и его округе работы хватает: пьяные разборки, мелкие ограбления и тому подобная муть. Но все три года работы без старика Сафиана я отлично справляюсь со всеми этими *мелочами* сам. Единственный минус: скука. С напарником было бы веселее. Поэтому полгода назад я оформил запрос на получение напарника, но никого до сих пор так и не прислали. Понятно, что никто не хочет отправляться на службу в это захолустье. Однако обещают прислать мне ка-

кого-нибудь новобранца в январе.

– То есть Вы запрашиваете напарника не потому, что он необходим, а для того, чтобы было “повеселее”? – едва сдержала ухмылку я.

– По уставу шерифу положен напарник, – заулыбался одними глазами шериф, – так что мне даже не зазорно за того бедолагу, которого сюда отошлют.

– Вы сказали, что в Маунтин Сайлэнс и его округе работы хватает. Что здесь было самым крупным за последние... Ммм... Допустим полгода.

Шеридан задумался, но только на пару секунд:

– В августе подростки обчистили этот кафетерий, – он ткнул указательным пальцем в стол. – Кстати, среди этих подростков была Зери Гвала. Двое её подельников в этом году поступили в колледжи и в сентябре уехали на учебу в другие города, в Маунтин Сайлэнс осталась только девушка. Её тело и выпало этим утром из багажника утопленного мерседеса Оуэн-Гринов.

Пэрис Оуэн-Грин (девочка из богатой семьи), Зери Гвала (трудный подросток), Камелия Фрост (девушка, которую вытащил из озера Киран Шеридан и которая теперь находится в коме), Дакота Галлахер (пропавшая без вести девушка, чье тело разыскивают два профессиональных аквалангиста), Челси Динклэйдж и Эйприл Монаган (дочери местных докторов). Тело Зери Гвалы должны были опознать в восемь ча-

сов вечера, по прибытии заведующего моргом из Дэф Плэйс, поэтому мы отложили поход в больницу до вечера. Вместо этого мы с Шериданом отправились в участок, где попытались просто, без задних мыслей о том, что это может быть не несчастный случай, сопоставить все имеющиеся у нас факты (или только я пыталась сопоставлять “без задних мыслей”?). Кроме имен и фамилий, по сути, у нас ничего не было, если не брать в расчет того, что каждую семью Шеридан знал лично и мог рассказать мне о каждом несчастном родителе всю подногодную вплоть едва ли не до их младенчества. Ну, почти всех. Среди них были и приезжие люди.

Я видела, что Шеридан сильно сомневается в том, что случившееся можно непоколебимо отнести к несчастному случаю, но в открытую он этого не говорил. И если я понимала, почему я не высказываю своего мнения на этот счет, тогда я никак не могла понять, почему шериф не говорит напрямую, почему тянет? Как будто чего-то ждет... Ждет, пока я сама не смогу отрицать то, что сейчас еще способна опровергнуть по причине недостающих фактов?.. Как же меня напрягает это его выжидание! Как будто я преждевременно знаю о том, что он окажется прав, и если сейчас я могу отрицать эту правоту, уже скоро я не смогу от нее отнекиваться, потому что она станет неотъемлемой частью моих мыслей.

...И чем больше времени я проводила в этом городе под горой, тем отчетливее ощущала, что мне отсюда будет выбраться непросто. Напряжение росло с каждым часом, по-

этому я была рада, когда в половину восьмого мы покинули полицейский участок, чтобы пообщаться с Афиной Фрост.

Я стояла с одноразовым стаканчиком из коричневого цвета пластика в руках, наполненным непьющимся растворимым кофе из автомата, и боковым зрением наблюдала за тем, как Афина Фрост находит утешение на широкой груди Шеридана. Я не хотела кофе, но взяла его, чтобы дать возможность этим двум пообщаться наедине, правда свернуть мне было некуда – один сплошной больничный коридор с закрытыми дверями палат – поэтому я просто остановилась у автомата с горячими напитками, в десяти метрах от этих двух.

Разговор с Афиной Фрост оказался достаточно простым. Не смотря на её подавленное состояние, которое теперь она совсем не скрывала, заливаясь слезами на груди шерифа, в разговоре со мной она была максимально трезва на эмоции, что сильно помогло. Она, собственно, не знала ровным счетом ничего, как и мы, но смогла указать нам на некоторые интересные “моменты”: “Среди погибших девушек не было подруг Камелии, хотя она наверняка была знакома с этими девочками” или “Пэрис Оуэн-Грин дружила с Челси Динклэйдж, но не ладила с Эйприл Монаган, которой Челси также была близкой подругой (их родители лучшие друзья + соседи + коллеги), при этом Зери Гвала не была подругой ни с одной из погибших девочек”.

Мне не понравилась полученная информация. По факту,

девочки, оказавшиеся в одной машине, не имели между собой ничего общего и даже были далеки друг от друга. То есть не лучшие подружки, парочка даже враждовала (Пэрис и Эйприл), остальные между собой не контактировали, но вдруг все вместе оказались в одной машине... Не нравилось мне то, что видимость случайности всё больше и больше начинала казаться мне искусной иллюзией, но неожиданностью для меня это точно не было. Блин, неужели я ввязалась во что-то серьезное?.. Только этого мне сейчас не хватало.

Я вновь посмотрела в сторону Шеридана и Фрост: женщина всё ещё льнула к груди шерифа, а он всё ещё утешительно похлопывал её по плечам. Афина была выкрашена в пшеничный блонд, и при свете неоновых ламп её волосы, от приподнятых корней до идеально ровно подстриженных на уровне лопаток концов, казались идеальным шелком. Ей было немного за тридцать, у нее были карамельные глаза, бледная кожа, прямая осанка, красивая фигура и высокий рост. При таком росте женщины обычно боятся носить каблуки, Афина же не опасалась шпилек, отчего казалась на полголовы выше меня. Красивая женщина, но Шеридану не подходит. Не знаю почему.

Подумав об этом, я отвела взгляд в сторону, словно заметила что-то слишком интимное. И всё же, почему она может не подходить Шеридану? Она красавица, он тоже из красавцев, и всё же... И всё же...

Я так сильно задумалась над этим вопросом, что не заме-

тила, как Шеридан подошел ко мне сзади.

– Пойдём? – поинтересовался он, взглянув на заполненный до краев стаканчик в моих руках, который я взяла еще пять минут назад и который, по идее, уже должен был быть опустошен.

– Пойдём, – я посмотрела в ту сторону, где еще недавно Шеридан поглаживал по плечам Афины, но женщины там уже не было – она зашла в открытую палату, в которой сейчас лежало обездвиженное тело её дочери. Не захотев думать о том ужасе, который сейчас переживает эта женщина, я вновь посмотрела на Шеридана и неожиданно встретилась с его взглядом. – Красивая женщина, – зачем-то вслух заметила я.

– Не моя, – зачем-то решил пояснить он.

– Бывшая?

– Не бывшая и не будущая.

– Почему нет? – повела бровями я. Мы уже направлялись к выходу и я поставила заполненный кофе стаканчик на подоконник.

– Не знаю, – пожал плечами Шеридан. – Просто не моя.

Стоя на стоянке рядом с пикапом Шеридана и самим Шериданом, я высвободила из воротника куртки и слегка запрокинула шею, разрешая ночной прохладе окутывать её железной хваткой.

– Пэрис прежде каталась на отцовских автомобилях, де-

вушки в этой машине не были связаны между собой дружескими отношением, за исключением Челси, которая дружила и с Пэрис, и с Эйприл, которые, исходя из слов Афины, терпеть друг друга не могли, что, думаю, более подробно могли бы растолковать нам родители девочек, – расставлял по полочкам новую информацию Шеридан, словно все новые данные были заточены в прозрачные и идеальные своим литым видом баночки. – Водителя нет, Дакоты Галлахер тоже нет, девушка, найденная в багажнике затонувшего автомобиля, официально опознана как Зери Гвала.

Кажется, я так сильно хмурилась, что Шеридан понимал, что я понимаю. Это слишком “натянутый” несчастный случай. Даже без учета косвенных подозрений: где, мать его, водитель?!

– Мне необходимо заселиться в отель, – не вынимая рук из карманов и не переставая хмуриться, сжато выдохнула я. – Где в Маунтин Сайлэнс находится “Древний кедр”?

– “Древний кедр” неделю как на ремонте, – сдвинул брови Шеридан. – Владелец планирует закончить с реставрацией к зимним каникулам.

– Вот как?.. Может быть я ошиблась? – я машинально достала из внутреннего кармана куртки мобильный. – В Маунтин Сайлэнс есть другая гостиница?

– Нет, это единственная.

– Вот ведь... – я едва сдержалась, повторно найдя в емейле от Банкрофта пункт, в котором им была предусмотрена

мне бронь в отеле Маунтин Сайлэнс “Древний кедр”. – Мне нужно позвонить. – не смотря на Шеридана, я развернулась и направилась к развалюхе, которую мне благородно выделили “сверху”.

– Слушаю, – голос Ирвинга Банкрофта всегда казался немного хриплым.

– Агент Нэш, – представилась я.

– А, Дэшиэл, это ты, – уставшим тоном отозвался начальник. – Как там обстоят дела с Маунтин Сайлэнс?

– По этому поводу я и звоню. Гостиница, в которой мне должны были забронировать номер, оказалась закрытой на ремонт. Почему меня не предупредили?

– Ах, это, тебе разве не сообщили?

– Нет, – сквозь зубы выдавила я.

– Дэшиэл, ты агент CSIS, уверен, ты способна уладить столь незначительный вопрос самостоятельно.

Серьезно?! Незначительный вопрос?! Да, конечно, я, пожалуй, попробую переночевать в той развалюхе, которую ты мне подогнал, Банкрофт, дружище!

– Я звоню не только по этому вопросу. Здесь начинают проявляться некоторые подробности, которые могут обличить это происшествие, как не несчастный случай.

– Дэшиэл, умоляю тебя, не заставляй меня учить тебя азам нашей профессии, ты уже давно прошла этот отрезок. “Некоторые подробности” – это не повод разворачивать серьезную деятельность на подростковом алкоголизме. Офор-

ми этот клятый несчастный случай и отправляйся в отпуск, тебе необходимо отдохнуть. Всё, бывай... И передавай привет Бертраму.

Услышав короткий гудок, я отстранила от уха трубку и посмотрела на погасший экран таким взглядом, словно это именно телефон меня сейчас подставил.

“Тебе необходимо отдохнуть”?! Серьезно?! И это говорит человек, оставивший меня только что на улице, посреди ночи, посреди какого-то там Маунтин Сайлэнс в центре лесного массива?!

– Всё в порядке? – отозвался Шеридан, шаги которого за моей спиной слышались сразу после того, как мой телефонный разговор был окончен. Тактично не подслушивал меня, но за мной наблюдал. Я обернулась.

– Да, всё окей.

“Это чистой воды непрофессионализм со стороны командования!” – в этот момент кричало моё подсознание. – “Что за подстава?!”.

– Я тут подумал, пожалуй я знаю, где Вы можете переночевать сегодня. Здесь недалеко. Хотя, если подумать, в Маунтин Сайлэнс всё недалеко, – весело ухмыльнулся Шеридан.

– Покажете дорогу? Кажется мой GPS сдох.

Глава 9.

Мы съехали с освещенного участка дороги и покатали по не идеально ровной грунтовой дороге. Я ехала след в след за пикапом Шеридана, периодически пытаюсь заставить работать печку, которая теперь только трещала и не выдавала никакого теплого воздуха. Слишком сильно отвлекшись на сломанный кондиционер, я слишком поздно поняла, что попала явно не в жилую зону Маунтин Сайлэнс: слева от дороги непроходимый лес, справа впечатляющая водная гладь, которую обрамляет заросший берег. Наверняка здесь очень красиво. Днём.

Пикап Шеридана выехал на ровную площадку, присыпанную речным песком, и я въехала в след за ним. В свете фар я осмотрелась: слева, поодаль от озера, врезавшись в лес, стоит двухэтажный дом из круглого бруса, по обе стороны от него расположено по две постройки внушительных размеров, тоже деревянные. Усадьба для туристов, любителей охоты и рыбалки?

Ворота пристройки, стоящей между домом и еще одним строением, расположенного ближе к озеру, начали автоматически открываться. Шеридан вышел из пикапа и, пока он подходил ко мне, я вручную опустила стекло. Коснувшись крыши моего авто и слегка нагнувшись, он начал объяснять: – В этих лесах водятся гризли, поэтому машину будет луч-

ше загнать в гараж.

Я посмотрела на открытые ворота гаража, в котором уже стояла одна машина и оставалось всего одно свободное место.

– Понимаю. Но лучше загоняйте свой пикап. Если с этой ключей что-нибудь случится, CSIS покроет страховку, – постучала по рулю я.

– Уверены? – Шеридан явно сомневался. Я, честно говоря, после получения такой развалюхи в своё распоряжение и не получения номера в отеле, тоже не была ни в чем уверена.

– Абсолютно, – тем не менее выдала я. – Паркуйте свой пикап.

Пока Шеридан возвращался к своей машине, я вручную поднимала стекло, сверля взглядом его спину. Потом, когда он сел в машину, я перебросила своё внимание на его пса, радостно прыгающего в прицепе. Надо же быть таким счастливым.

Когда Шеридан загнал свой пикап в гараж, я развернулась на достаточно просторной площадке и припарковала свою рухлядь справа от входа в гараж. Надеюсь, никакой гризли это ржавое корыто не тронет. А если тронет, так пусть сожрёт целиком, вместе с покрывками, чтобы невозможно было восстановить эту доходягу.

Когда я вылезла из-за руля, Шеридан уже закрывал ворота гаража.

– Заберите с собой все вещи, особенно еду, она примани-

вает диких животных.

– Без проблем, – отозвалась я, уже открывая пассажирскую дверцу, чтобы забрать рюкзак и дорожную сумку.

Садовые фонари начали включаться как только мы направились к дому: датчики движения – умно и со стилем.

Поднявшись по широкой деревянной лестнице в три ступени на достаточно просторную террасу, тоже выполненную в дереве, мы остановились. Шеридан искал в связке нужный ключ, пёс радостно вилял хвостом и едва сдерживался, чтобы от радости вдруг не начать напрыгивать на хозяина. Как только Шеридан открыл входную дверь, Вольт молнией ворвался в темноту дома. В отличие от пса, его хозяин решил проявить галантность по отношению к гостю и, придерживая дверь, пропустил меня вперед.

– Это Ваш дом? – поинтересовалась я, как только шериф включил свет в прихожей, хотя уже знала ответ на этот вопрос. Внутри дом был полностью деревянным, стены – отшлифованный и покрытый лаком крупный круглый брус.

– Да.

– Я думала, Вы отвезете меня в какой-нибудь пустующий туристический домик, предназначенный для охотников и рыбаков.

– Этот дом ничем не отличается от туристических домиков для охотников и рыбаков. Здесь так же пусто, – поджал губы Шеридан, снимая свою шляпу. – Дом достроил всего два месяца назад, так что мы с Кираном его еще толком даже

не обжили.

– Вот как? А где Киран? – я потрепала по загривку настойчиво трущегося о мои ноги пса.

– У моих родителей. У них дом на две семьи и последние двенадцать лет мы с Кираном жили с ними через стену. Веселое было времечко... – он снова поджал губы. – Киран до сих пор больше времени проводит в том доме. Ну, знаешь, оттуда ближе добираться до школы, соседские парни – друзья по спортивным интересам, да и моя мать готовит отменно. Я тоже неплохо готовлю, но время не всегда позволяет... Кстати насчет ужина, ты как?

– Оу, нет, спасибо, я не голодна, – поджав губы, улыбнулась я, не зная, как реагировать на неожиданный переход на “ты”. Почему-то всё же решив, что этот переход всё-таки стоит поддержать, я добавила. – Ты лучше покажи мне, где я могу лечь. Ужасно хочу спать.

– Вот за этой дверью, – он обошел меня и открыл дверь за моей спиной. – Внутри дивана есть чистые постельные принадлежности. Не смотря на панорамные окна в комнате тепло, но если захочешь изменить температуру, покрути настройки терморегулятора, он рядом с выключателем. Ванная комната прямо по коридору, – отойдя от двери, он указал рукой мимо лестницы, ведущей на второй этаж, – кухня слева, совмещена с гостиной, так что не промахнешься, туалет и душ за дверью прямо напротив твоей комнаты. Если понадобится – кричи, я сплю на втором этаже. Уверена, что не

хочешь поужинать?

– Да, спасибо за предложение.

– Что ж, Вольт, дружище, пошли со мной, – Шеридан постучал себя по бедру, призывая пса покинуть мою комнату. – Тогда спокойной ночи, агент Нэш.

– Спокойной ночи, шериф Шеридан, – уже заходя в комнату, не оборачиваясь, но слегка запрокинув голову, отозвалась я, после чего закрыла за собой дверь.

Может быть я и хотела есть, так как ела сегодня всего один раз, но другие чувства и желания сейчас подавляли этот позыв моего организма: я действительно слишком сильно устала и неожиданно сильно хотела спать. Как будто я не знала, что как только моя голова коснется подушки, меня сразу же накроет своим удушающим полотном бессонница. Я и на своей-то кровати не могла спокойно уснуть, а здесь еще и новое место... В общем, без шансов, но лечь в постель мне просто необходимо, хотя бы для того, чтобы не свалиться с ног. Последние несколько недель я толком не спала, у меня был ночной перелет на трещащем по швам кукурузнике и часовой переезд сквозь безлюдный лесной массив, затем эта ужасная ситуация у реки и дальше по накатанной... Просто хочется немного полежать...

Поспешно найдя в диване постельное белье, пару подушек, одеяло и плед, я, не раскладывая дивана, на скорую руку оформила себе спальное место и огляделась по сторонам. Найдя розетку у изголовья дивана, установила мобильный

на зарядку, после чего решила начать раздеваться, но вовремя остановилась, сбросив на пол только куртку (кроме дивана и мягкого персидского ковра под ногами, выполненного в красном цвете, в комнате больше ничего не было). Панорамное окно занимало большую часть стен, вернее сказать, являлось главной составляющей этой комнаты: стена из бруса была только слева от входа в комнату, впритык к которой и стоял диван, и еще деревянным был непродолжительный участок стены справа от двери, на котором были размещены выключатели и терморегулятор, остальное пространство, не учитывая потолка и пола, занимали стеклянные панорамные панели, выложенные полумесяцем от стены до стены. Этакая крытая веранда, только теплая и оттого отлично подходящая для спальни.

Увидев луну, показавшуюся сквозь рваные облака, я решила не завешивать окна тяжелыми светонепроницаемыми шторами темно-зеленого цвета. Вместо этого я выключила свет, проверила, закрыла ли я дверь на защелку, и начала раздеваться. Сложив всю одежду на пол у подножия дивана, я даже не попыталась найти свою пижаму в дорожной сумке – помнила, что положила её на самое дно, и ворошить все вещи не хотела. Стащив с себя лифчик и оставшись в одних трусах и майке, я наконец залезла под прохладное одеяло и, как только моя голова коснулась благодатно мягкой подушки, с облегчением выдохнула. Завтра я закончу здесь: после вскрытия наконец смогу официально оформить несчастный

случай и, если повезет, уже вечером буду на полпути к Бертраму и девочкам. Так, нужно посмотреть записи с видеорекамера Оуэн-Гринов, всё равно ведь бессонница не даст заснуть.

Потянувшись к сумке и достав из нее свой планшет в изрядно потрепанном чехле, я открыла файл с видеозаписями, которые успела поместить “в облако” еще пребывая в полицейском участке. Пока система подгружалась, я бросила взгляд в окно и следующие несколько секунд любовалась белоснежным лунным светом: из-за быстро плывущих облаков он казался рваным и каким-то диковинным.

Вернув взгляд обратно к планшету, я начала просмотр видеозаписей, каждая из которых обрывалась на одном и том же времени: 13:07 – 31.10.20**. Я была уверена в том, что досмотрю все пять записей, и я их определенно точно досмотрела, убедившись в том, что в них невозможно найти ничего, что было бы связано с вечеринкой, состоявшейся в доме Оуэн-Гринов в Хэллоуин с 21:00 – 31.10.20** до 00:01 – 01.11.20**. Однако я совершенно не помнила, на каком из моментов во время повторного просмотра очередной записи отключилась. Проснувшись только утром, с планшетом на животе, я сначала не поняла, что произошло. Лишь спустя полчаса я осознала, что впервые за последние четыре месяца смогла проспать всю ночь без единого пробуждения и нервного сна, и при этом умудрилась выспаться чуть ли не за все предыдущие четыре месяца болезненного недосыпа.

Какое-то чудо.

Глава 10.

Афина Фрост.

Мой отец обожал греческую мифологию, отсюда и клички всех когда-то живших в нашем доме собак: Гектор, Талай, Балий и Ксанф, Лелап. Отсюда и моё имя, которое, как рассказывала моя мать, он выбирал с величайшим трепетом.

Моя мать умерла, когда мне было пять лет, незадолго до моего перехода из детского сада в школу. Возможно поэтому у меня позже были проблемы с дисциплиной. Или возможно потому, что отец, так больше никогда и не женившийся, воспитывал меня без женской помощи. У него, конечно, в разные периоды жизни имелись связи с разными женщинами, но все они были непродолжительными, обычно длились не больше года и никогда не развивались на моих глазах. Мать так и осталась единственной женщиной, которой отец позволил переступить порог своего дома. Позже из девочки в женщину превратилась я, что мой отец совершенно проморгал. Даже когда у меня начал расти живот, он не мог до конца осознать, как такое возможно.

Когда я залетела в колледже, отец не свирепствовал, как обычные отцы в подобных случаях. Ему, конечно, было пе-

чально оттого, что его юная дочь решила примерить на себя роль матери-одиночки, но он поддержал меня в моей тогда еще подростковой уверенности родить ребенка для себя, а уже спустя месяц после моего ухода из колледжа и возвращения в город и вовсе не скрывал своей радости. После поступления в колледж за тридевять земель от Маунтин Сайлэнс – специально забралась так далеко, чтобы “посмотреть мир” – я впервые за год приехала к отцу в гости. И хотя мы созванивались с ним каждый день, отец так сильно скучал по мне, что когда я сообщила ему новость о том, что я приняла решение уйти из колледжа, чтобы вновь заселиться в отчий дом и уже через семь месяцев родить ему здесь внука, он сначала едва не подпрыгнул от радости и только потом спросил про отца ребенка, потом опечалился, потом понял, что не всё у меня в жизни будет гладко, однако и это осознание вскоре сменилось неподдельной, какой-то по-мужски детской радостью.

Отец был владельцем единственного в Маунтин Сайлэнс кафетерия и по совместительству бара, так что в деньгах мы никогда не нуждались. Даже после рождения Камелии у нас не возникло никаких финансовых трудностей: отец обустроил для своей первой внучки самую красивую детскую спальню в округе, позволил мне купить для ребенка недешевое преданное, разрешая приобретать для его внучки детское белье только из натурального хлопка, он осыпал Ками куклами и книгам... Как же много книг он тогда купил! Оформил

целый стеллаж с детскими сказками, с каждым годом взросления внучки обновляя эту пёструю коллекцию. Так Ками и осталась у того книжного стеллажа с книгами, заготовленными для нее дедом на десятилетие вперед. Сейчас ей остается прочесть всего пятьдесят семь книг из трехсот тридцати, оставленных ей дедом, а она лежит в состоянии комы на больничной койке, с аппаратом искусственного дыхания, покрывающего её миленький курносый носик... Я ужасная мать. Никакая.

Я родила Ками в девятнадцать лет. Отцом ребенка стал молодой и красивый профессор колледжа, в котором я училась, грезя стать первоклассным менеджером по работе с клиентами. Естественно наши встречи были тайными – если бы на работе моего любовника узнали о том, что он встречается со студенткой, его бы определённо уволили, лишив права преподавать в других учебных заведениях. И тем не менее он был готов рисковать своей карьерой ради страстных ночей со мной. Мне нравилось в нем это. Ему же нравился мой смех и громкий голос, которым я сводила его с ума нашими длинными ночами. А потом я узнала, что забеременела. А он узнал о том, что его пригласили преподавать в университет. Перевод из колледжа в университет – отличная ступенька в преподавательской карьере. Я хотела ему сказать, что беременна, но он сказал мне о своём повышении पहले. Мне не хотелось, чтобы он произнес вслух просьбу избавиться от ребенка, не хотелось, чтобы он разрушил свой улыбчивый

образ – мне хотелось его сохранить таким для себя навсегда. Мы отпраздновали его повышение бурной ночью, затем на рассвете он уехал в другой город, пообещав, что расстояние не сможет разрушить наши отношения, которые, по сути, сводились к одному лишь сексу, так как ходить держась за ручки по кинотеатрам и паркам мы не могли, опасаясь быть замеченными общими университетскими знакомыми, я же тем же утром отправилась в колледж, забрала из него документы и уже спустя сутки тряслась на заднем сиденье автобуса, возвращаясь к отцу в Маунтин Сайлэнс. Спустя полтора года я опомнилась, вернее, меня заставил посмотреть на эту ситуацию под другим углом отец. Когда Камелии исполнился год, я вернулась в город и попыталась разыскать её отца, чтобы всё рассказать ему, но время уже было упущено. При помощи старых подруг, продолживших своё обучение в колледже, я узнала, что спустя четыре месяца после перевода моего молодого профессора в университет, находящийся в ста милях от моего колледжа, он воспользовался какой-то университетской программой и улетел преподавать куда-то в Японию. Так его следы и затерялись окончательно, и бесповоротно. В течении жизни я предпринимала спонтанные и совершенно необоснованные попытки найти его через интернет, но каждый раз никого не находила. Этого человека словно и не существовало никогда. Прекрасный принц, порожденный моим воображением и породивший моего ребенка. Как странно...

С отцом мы жили душа в душу: большой дом с цветущей лужайкой, успешный гастрономический бизнес, два подержанных автомобиля, новый и последний отцовский щенок Лелап, породы ретривер – вот оно счастье. И если в детстве отец воспитывал меня приблизительно той же манерой, которой можно было бы успешно воспитывать сына, к своей внучке он относился так, словно в ней была заточена дюжина нежных девочек. Настолько трогательна была их связь, что и тогда, и сейчас я уверена в том, что столь тонкой связи я никогда не обрету ни с одной из своих дочерей. Такое может быть только между дедом и внучкой: любовь, растворенная в пространстве и времени, перекрывающая прошлое и опережающая будущее, существовавшая до появления одного из них, будущая существовать и после ухода последнего из них. Непостижимая человеческим умом. Нить клубка вечности.

Свои следующие отношения я начала лишь спустя пять лет после столь неудачного разрыва первых. И дело было не в том, что я жила вместе с отцом и мне было бы сложно приводить парней в дом, просто я постоянно была сосредоточена на чем-то более важном: ночные пробуждения Ками, её первые шаги, первый зуб, её первый поход в детский сад, эта ужасная ангина и блохи, у которых я ежегодно до её десятилетия отвоевывала её чудесные каштановые волосы, доставшиеся ей от её отца. Как же сильно в детстве Ками была похожа на него. С возрастом черты её лица, конечно, заметно изменились, но волосы остались чисто отцовскими.

На то, что мне необходимо завести “мальчика”, указал мне именно отец. Мы стояли посреди магазина детской одежды и выбирали новую шляпку для Ками, взамен той, что погрыз Лелап, когда он вдруг заметил, как смотрит на меня мальчишка продавец. В ответ на эти слова я только фыркнула, но с этого момент стала замечать мужское внимание, умышленно направленное в мой адрес. Претендентов, как ни странно, на меня, как на мать-одиночку с пятилетним ребенком на руках, оказалось немало: пять с половиной парней (половиной я называю того козла, который не стеснялся за мной таскаться не смотря на наличие у него подружки с его годовалым сыном). В итоге уже спустя два месяца после этого отцовского замечания я занималась сексом с самым привлекательным из пяти с половиной ухажеров на заднем сиденье его минивэна. Джошуа Сафиан был единственным сыном местного шерифа Бенджамина Сафиана, на пять лет старше меня, учитель истории в местной школе, преданный бывшей подружкой, отдавшей предпочтение более финансово обеспеченному представителю мужского пола, делающему скромную карьеру юриста в Дэф Плэйс. Что тут скажешь, видимо слабость у меня на учителей. Спустя три месяца непрерывного секса в минивэне и квартире Сафиана я забеременела из-за порвавшегося презерватива. Иными словами: наступила на эти грабли снова. Вот только на сей раз я не стала скрывать от мужчины жестокую правду: Джошуа узнал о моей беременности спустя пять минут после того, как

тест на беременность выдал мне две полоски, получив этот самый тест в свои руки. Странно, но не смотря на то, что эта беременность не входила в его планы, он был счастлив этой неожиданности в его жизни. Больше него были счастливы только наши родители. Благо у родителей Джошуа не было других детей и сам он был из позднорожденных, так что Бенджамин и Пальмира Сафиан души не чаяли в моём растущем животе.

Я не хотела жить в маленькой квартирке Джошуа, да и Камелии бы не нашлось места в этой каморке, но долго уговаривать своего мужчину переехать в дом моего отца мне не пришлось: всего три страстные ночи и пара романтических ужинов, и мы уже спим в моей когда-то бывшей детской спальне на втором этаже, а отец с Ками разделяют между собой весь первый этаж, пожертвовав пространство второго этажа для нас и новорожденной малышки. Белинда родилась, когда Ками было шесть, но не смотря на разницу в возрасте сестры отлично ладили друг с другом.

Джошуа никогда не предлагал мне оформить наши отношения официально, а я сама не “рвалась”, как большинство женщин, сделаться официальной женой, так как мне было вполне достаточно того, что меня любят, и совершенно неважно, делают это официально или нет. С Джошуа я была счастлива тем типом счастья, которое можно назвать повседневным: он возил меня за покупками в Дэф Плэйс, я пришивала пуговицы к его рубашкам, он забирал Ками из дет-

ского сада, я жарила ему на завтрак яичницу с беконом, у нас был неплохой секс, если нам этого хотелось, если же не хотелось, мы могли спокойно пить пиво перед телевизором, пока отец укладывал девочек спать. Повседневность меня не нагнетала и я даже радовалась тому, что у меня всё так стандартно складывается: я помогаю отцу вести дела в кафетерии и у меня это отлично получается, мой парень живет со мной и нашей общей дочерью, и отлично ладит с моей старшей дочкой, мы пьем вино и пиво, смотрим дурацкие телешоу и периодически испытываем сексуальное влечение друг к другу. Ничего особенного или хотя бы чуть-чуть необычного, но для меня этого было более чем достаточно. А потом Джошуа пошел на эту треклятую охоту, на которой сорвался со склона и сломал себе шею. Ему было всего лишь тридцать три, Белинде только три – он не мог просто так взять и уйти из этой жизни! Тем не менее, он именно это и сделал. И я снова стала матерью-одиночкой. Только на сей раз у меня уже было два ребенка, девяти и трех лет, а мне всего лишь двадцать восемь... В тот период своей странной жизни я рисковала впасть в серьезную депрессию, если бы не мой отец и не родители Джошуа. Они буквально оторвали меня от бутылки, на дне которой в первый месяц после ухода Джошуа я пыталась найти ответ на вопрос о том, почему он посмел меня так жестоко кинуть.

В итоге я смогла прийти в себя раньше, чем это удалось сделать родителям Джошуа. Хотя иногда мне кажется, что

им прийти в себя до конца так и не удалось.

Благодаря отцу я могла себе позволить продолжать чувствовать себя защищенной как в материальном, так и в моральном плане: он поддерживал меня во всём, даже в моём нежелании заводить новые отношения. Но и эта моя сказка оборвалась в самый неподходящий момент. Спустя два года после Джошуа, мой отец, тот, кто неотрывно был рядом со мной с момента моего рождения, в возрасте пятидесяти четырех лет ушел от меня в более спокойный мир. Как сейчас помню тот летний вечер: мы сидели на деревянных садовых стульях на заднем дворе, пили чай и любовались закатом, запутавшимся в ветвях деревьев. Белинда выбежала на террасу с книгой Камелии в руках, той самой, которую отец подарил Ками на её первый день рождения, и попросила меня почитать ей сказку перед сном. Я ушла к девочкам и была уверена, что отец слышит, как из окна второго этажа доносится мой голос – я читала своим дочерям коротенькие сказки. Когда я вышла на террасу спустя два часа и увидела отца всё еще сидящим на своём месте, я сразу поняла, что его здесь больше нет. Последнее, что мы обсуждали: первое свидание моих родителей и желание отца сделать в “Гарцующем олене” ремонт. Ремонт, в итоге, я сделала сама, спустя три года после потери отца.

От каждого из мужчин, когда-то бывших в моей жизни, у меня осталось так много: Камелия, Белинда, бизнес и дом. От единственной женщины, бывшей со мной в самом нача-

ле моей жизни, мне тоже кое-что осталось – красивая внешность: стройная фигура, высокий рост, широкие бёдра. В свои тридцать пять я абсолютно самостоятельна и неплохо обеспечена, несомненно красива, а еще у меня есть две замечательные дочери шестнадцати и десяти лет... Две... Одна из них сейчас лежит передо мной на больничной койке и дышит при помощи аппарата. Я так и не смогла дать своим девочкам самого главного – любовь отца.

С момента потери Джошуа я хотела попробовать начать новые отношения, но только я уже хотела на них решиться, как потеряла отца. Впоследствии я семь лет ни с кем не сходилась, была сама по себе, только я и мои девочки, не смотря на то, что мужчины на меня заглядывались и продолжают заглядываться порой даже больше, чем на моих более молодых официанток. Все, конечно же, женатики, у всех есть и жены, и дети, и собаки с кошками, в общем, полноценные семьи. Это мерзко. Роль любовницы не для меня. Одна моя бывшая официантка была любовницей женатого мужчины и весь город знал об этом. Я её не осуждала, но однажды увидев, как жена этого недоумка играет в песочнице с их пятилетней дочерью, ровесницей Белинды, просто взяла и уволила эту женщину из своего заведения без лишних объяснений. Уверена, что она всё поняла, как поняли и другие. Больше среди работниц моего заведения нет чьих-либо любовниц, а если и есть, от меня эту информацию тщательно скрывают.

Я принципиальная, думаю поэтому меня в городе и ува-

жают, многие даже завидуют мне и называют меня слишком “вольной”. Те самые женщины, мужья которых были бы не прочь расстелиться у моих ног. Как странно: я завидую их семейной жизни, они завидуют моей вольной. Вот бы взять, да поменяться местами, да только под лежащий камень вода не течет.

На Гордона Шеридана я обратила внимание давно, но действовать начала только год назад, когда старик Сафиан, придя в мой бар пропустить бокал черного нефильтрованного, заговорческим полупшепотом, так, чтобы никто кроме меня не услышал его слов, произнес, слегка склонившись вперед на барную стойку:

– Ты ведь знаешь, как мы с Пальмирой любим Белинду. Она наша единственная внучка и других внуков у нас уже не будет. Послушай, Афина, ты нам как дочь, поэтому я сейчас скажу тебе, как сказал бы тебе только отец... – старик многозначительно выдохнул. – Девочкам отца ты уже не найдешь, они уже слишком взрослые для того, чтобы свыкнуться с мыслью о новом родителе, но ты не должна ставить на себе крест из-за этого. Попробуй найти своё счастье с новым мужчиной.

– Да где же взять мне этого мужчину? – встряхнув белоснежным полотенцем, поставила на барную стойку кристально чистый бокал я. То, что мой бывший свекр говорил мне такие слова, меня немного выбивало из колеи, а я не из робкого десятка, чтобы меня возможно было легко “выбить”. –

Все мужики, кому за тридцать, в этом городе уже давно женаты или пьют горячую воду по-черному.

– А вот и не все, Афина.

– Вот как? – заинтересованно вздернула брови я, давая понять собеседнику свой скептицизм. – И о ком Вы мне говорите, великий шериф Сафиан?

– Бывший шериф, – поджал сухие и потрескавшиеся от ветра губы старик. – А говорю я тебе, девочка, о нашем нынешнем шерифе.

Сафиан души не чаял в Шеридане. Словно видел в нём своего сына. Но у высокого, крепко сложенного и синеокого Гордона Шеридана не было ничего общего с кареглазым Джошуа Сафианом, когда-то бывшим среднего роста и никогда не имеющим спортивных трицепсов. И всё же Сафиан воспринимал Шеридана именно как сына, потому видимо и начал грезить однажды увидеть того в роли отца своей единственной внучки. Откровенно говоря, я сама была бы в восторге от такого развития событий, потому и не мешала старику предпринимать попытки свести нас. Но шли недели, месяцы, а мои знаки внимания, уделяемые этому мужчине, не приносили никаких результатов. Когда в начале осени Шеридан закончил постройку своего нового дома на берегу озера, Сафиан не выдержал и напрямую, прямо при мне обратился к нему с этим вопросом. Был ясный сентябрьский вечер, я стояла за барной стойкой, а эти двое сидели напротив меня с наполовину опустошенными бокалами светлого

нефильтрованного.

– Ты и раньше был “ничего”, а став богатым, вообще превратился в завидного жениха, – начал издали старик.

– Ты это преувеличиваешь, – ухмыльнулся Шеридан, но Сафиан не хотел сбавлять напор.

– Твой сын скоро поступит в академию, машины ты себе новые купил, дом вот сейчас достроил. Тебе бы в этот красивый дом да красивую хозяйку.

– Хах!.. – Шеридан заулыбался своей ослепительной улыбкой. – Обещаю подумать над этим вопросом, старик...

– Думай, да не слишком долго, – оборвал своего приемника Сафиан, а я тем временем всё отчетливее ощущала запах палёного. – Если долго думать, можно мозг сломать. В таких вопросах долго думать вредно, знаешь ли... Вот, посмотри, какая красота стоит, – старик махнул рукой в мою сторону. – Местная бизнесвумен, сильная женщина да еще и красавица, такие на дороге, знаешь ли, не валяются. Почему бы Вам не сойтись, а?

От слов старика Сафиана я чуть под пол не провалилась! Шеридан перевел на меня широко распахнутые синие глаза и так и замер в своей улыбке, которая уже спустя пять секунд начала тухнуть от неловкости момента. Всё он прекрасно понимал: я уже битых десять месяцев за ним бегала, а он даже комплимента мне толкового до сих пор не отвесил. Идиот.

– Да, Афина очень красива... – видимо в тот момент он слишком много выпил, раз смутился, да еще и выдавил из

себя эти слова. – Только дом еще не обустроен, старик, – вновь заулыбавшись, только на сей раз откровенно натянуто, попытался выйти из неловкой ситуации шериф. – Вот когда обустрою дом изнутри, тогда и подумаю о невесте...

Не то, чтобы я ему не нравилась, просто он сомневался. Но почему? Едва ли его могли смущать мои дочери. Я прекрасно понимала, что вопрос во мне самой, но что именно со мной не так, понять не могла. Наверное, я слишком громко смеюсь над пошлыми мужскими шуточками в свой адрес не потому, что так надо, а потому, что мне действительно весело и мне действительно льстят такие шутки. А еще потому, что я позволяю себя обнимать каждому второму, кто этого захочет, хотя я не позволила бы себя поцеловать никому из них. Никому, кроме Шеридана, но он не хотел. Ни целовать меня, ни прикасаться к моей стройной талии, над которой я работаю пять дней в неделю. Я понимаю, что ему, возможно, хотелось бы обсудить со мной что-то *серьезное*, поговорить со мной на *серьезные* темы, но и он, и я, мы оба знаем, что моей серьезности хватает только на ведение гастрономического бизнеса – всё, что лежит за ним, весь *остальной* и бескрайний мир для меня слишком сложен. Иными словами: я немного глупа. Не настолько, чтобы не быть способной вести оставленный мне отцом бизнес, но достаточно, чтобы не дотянуться до уровня Гордона Шеридана. А вообще, что это за уровень такой?.. Всё равно он не найдет в этом городе умную и одновременно красивую женщину. Умных в Маун-

тин Сайлэнс днём с огнём не сыщешь, красивые же слишком “подержанные”. Пусть я и смеюсь над пошлостями завсегда-таев моего бара в свой адрес, пусть и позволяю кому-то из них себя касаться, всё же я – лучший вариант для Шеридана. Я действительно сильна и действительно красива, и пусть я умна лишь настолько, чтобы суметь содержать свой мелкий бизнес на плаву в этом захолустье, всё же ум мне присущ.

И всё же... С того нашего разговора за барной стойкой с Сафианом прошло уже два месяца, Шеридан уже наверняка обустроил свой дом изнутри, он уже там даже с сыном ночует, но своё отношение ко мне он словно совсем и не собирается менять. “Привет, Афина, сегодня снова сияешь?”, “Привет, Афина, а тебе идет этот белый цвет!”, “Привет, Афина, оформишь мне ваш лучший бифштекс?”, – как будто нельзя сказать: “Привет, Афина, твои глаза бездонны! Не хочешь этими глазами сегодня вечером посмотреть фильм у меня дома? Я недавно плазму новую купил...”. А ведь у Шеридана наверняка плазма на полстены будет. Теперь, когда он неприлично богат, он может позволить себе и не только плазму, и не только один новый дом.

Нет, как бы сильно он не отпирался, а всё же лучше меня варианта он в этом городишке точно не найдет. Скоро наступит зима и долгие темные ночи сделают своё дело: в новом доме у озера появится хозяйка.

...Из этого мыслительного бреда меня вырвало шуршание за спиной – похоже я окончательно свихнулась, проплакав

над койкой Камелии всю ночь и весь день, раз вдруг переключилась со своего ребенка на Шеридана. Всему виной этот его неожиданный визит с этой девушкой, агентом Нэш... О, духи, о чем только думают в CSIS, беря в свои ряды таких молоденьких девушек? Сколько ей?.. Двадцать пять?.. Двадцать восемь?.. Чем она вообще может здесь помочь?..

Я точно начинала бредить. Мне определенно необходимо поспать, хотя бы немного...

Моя заторможенная реакция всё же напомнила мне о необходимости обернуться, чтобы посмотреть на того, кто только что вошел в палату...

Что?.. Роджер Галлахер?.. С пакетом апельсинов в руках?.. А он здесь что делает?..

– Моя дочь, Дакота... – со слезами на глазах, хриплым голосом вдруг прошептал он.

О ужас, Дакота тоже?!

Не осознавая, что делаю, я подорвалась со своего места и бросилась к Галлахеру. Я обняла его, но на сей раз не плакала, как полчаса назад на груди у Шеридана. Сейчас плакал мужчина на моем плече.

– Её до сих пор не нашли... – спустя минуту судорожных слез вдруг прошептал он.

– Что? – слегка отстранившись от него, заглянула в мокрые голубые глаза я. Он не пьян. Нет, он определенно не пьян. И хотя на его лице трехдневная щетина, на нем чистая рубашка и от него не несет потом. Когда в последний раз

я видела Роджера Галлахера чистым и не пьяным? Не помню...

– Дакоту до сих пор не нашли, – держась из последних сил, повторил Роджер. – Кто-то был за рулем, но тело, видимо, унесло вниз по течению... Дакота пропала, Афина. Её до сих пор не нашли...

– Ооох, Роджер...

– Это тебе... Твоей дочери... – Роджер, высокий и красиво сложенный, вечно пьяный, но не стареющий, даже не смотря на первую седину у висков, протянул мне мятый бумажный пакет, заполненный апельсинами. – Она не приходила в себя? Не говорила, за рулем была именно Дакота? Моя Дакота?..

– Нет, Роджер, нет... Ками не приходила в себя... Ох... – дрожащими руками я взяла пакет из его дрожащих рук. – Ох... Нам нужно с этим что-то делать... Давай не будем здесь стоять... Поехали куда-нибудь...

– Я не могу поехать домой... Там Итан... Я не могу смотреть ему в глаза... Не могу сказать, что опять вернулся без Дакоты...

Не знаю, в какой момент и почему, но я вдруг осознала, что сейчас мне жаль Роджера Галлахера даже больше, чем себя саму. Итану десять, он ходит в один класс с моей Белиндой, мальчик сейчас, наверное, в шоке. Я знаю Галлахеров всю свою жизнь, знаю, через что им приходилось проходить, а здесь вдруг такое...

– Я не могу этой ночью оставаться одна. Белинда у стариков Сафианов... Я не могу... Может быть заедем за Итаном?... Может быть... Может быть вы согласитесь сегодня переночевать у меня?... Я... Мне... Мне так тяжело... Я была бы так благодарна...

Я не знала, что сказать еще. Не знала, как замаскировать факт своей заботы. Роджер всегда был слишком горд, чтобы позволять кому бы то ни было заботиться о себе, но в то же время, нося суровую маску наплевавшего на себя пьянчуги, он был из самых заботливых людей мира сего. Ему сейчас было так тяжело... Так... Невыносимо тяжело... Ему нужно было о ком-то позаботиться. Срочно. Эти апельсины...

– Да, да... Конечно... – он утер шершавой рукой своё неожиданно детское лицо, спрятанное под жесткой щетиной. – Я присмотрю за тобой сегодня... Только Итан...

– Да... Нужно заехать за Итаном... – я обернулась и посмотрела на умиротворенное лицо Камелии, покоящееся под прозрачной маской ИВЛ. – Мне позвонят... Мне обязательно позвонят, *когда* (не если) она очнется.

Мы вместе вышли из палаты. Я, Роджер Галлахер и апельсины. Нас ожидала бы невыразимо жуткая ночь, если бы мы не составили друг другу компанию, если бы спустя полчаса Итан не налил каждому из нас лошадиную дозу валерианового настоя, если бы мы спали у койки Ками, в беседке на берегу реки и на матрасе у сломанной кровати – каждый в своём кошмаре. Вместо этого мы втроем одновременно отклю-

чились в гостиной, когда-то принадлежавшей моему отцу:
на двух диванах, полусидя, полуживя.

Глава 11.

Я вышла из своей комнаты в девять часов и уже по запахам, доносящимся из глубин дома, поняла, что Шеридан не спит. Почистив зубы и умыв лицо над миниатюрной раковиной в компактной уборной, расположенной напротив моей комнаты, я вернулась в комнату и сложила все свои немногочисленные вещи обратно в дорожную сумку. Сегодня уже встречусь с Бертрамом и девочками. Скорее бы миновал этот день. Я обернулась к панорамным окнам. Густые, словно сотканые из натурального шелка тучи, висели низко над землей, почти касаясь макушек самых высоких елей, и, казалось, они застыли на месте. Безветренно, совершенно тихо. Ни-ду-ши...

Услышав радостный лай где-то в глубине дома, я тяжело выдохнула и, откинув волосы за плечи, отправилась на встречу притягательному аромату. Миновав короткий коридор с лестницей, ведущей на второй этаж, я оказалась в просторной гостиной, по-видимому занимавшей почти весь первый этаж дома. Чуть правее, у высокого кухонного стола, расположенного посередине комнаты и отделяющего гостиную от кухонной зоны, стоял облаченный в черное поло Шеридан, со сковородкой в руке и белоснежным полотенцем, закинутым на плечо. И Шеридан, и его пёс мгновенно заметили моё появление.

– Омлет с пряностями, свежими овощами, сыром и беконом? – поинтересовался Шеридан, пока его пёс мчался на меня, то ли желая сбить с ног, то ли просто поздороваться.

– Звучит аппетитно, – отозвалась я и протянула руку псу, в надежде, что он не решит ей позавтракать. – Эй, привет, красавчик...

Пёс радостно завил хвостом и начал лгнуть к моим ногам, пока я гладила его по голове.

– Вольт у нас любвеобильный, – заметил Шеридан, наблюдая за тем, как я глажу его пса, и выкладывая на тарелку омлет. – Пиренейские горные собаки отличаются умом и сообразительностью, а еще отлично поддаются дрессировке. Мыслящая и инициативная порода, выведенная для самостоятельной работы.

– Сколько ему? – наконец убрав руку от лоснящейся белоснежной собаки, поинтересовалась я, направившись в сторону хозяина пса.

– Ему?... Дай подумать... Киран подарил мне его щенком на свой двенадцатый день рождения, выходит Вольту уже пять лет. Да, шестой год идет.

– А почему такая кличка – Вольт?

– Щенком носился по всему дому, как угорелый, – ухмыльнулся Шеридан, пододвинув мне тарелку, на которой красиво, чуть ли не в стиле лучшего ресторана, был выложен омлет с обещанными добавками к нему.

– Оригинальная кличка... А ты не будешь? – уже взяв в

руки вилку и проигнорировав нож, встретила взглядом с собеседником я.

– Мы с Вольтом уже позавтракали, – пожал плечами шериф и, сняв с плеча полотенце, развернулся к кухонному гарнитуру.

Вольт вновь направился к хозяину, а я принялась за омлет. Съев пару кусочков, я оценила впечатляющие способности этого человека к приготовлению омлетов и взялась за стакан с апельсиновым соком. Судя по соковыжималке, стоящей у холодильника, мне сегодня повезет отведать фреш.

Пока Шеридан прибирал кухонную столешницу, я неосознанно начала оглядываться по сторонам. Практически всё сделано из дерева, даже кухонный гарнитур, и всё заметно новое: кухонная техника, посуда, ковры, мебель в гостиной... Отпивая сок из бокала, я неосознанно начала поворачиваться на своём барном стуле, чтобы осмотреть гостиную. Ого, настоящий камин, выложенный из камня, стоящий перед ним диван из коричневого кожзама внушает уважение, мягкий ковёр почти на всю комнату, покрывающий деревянный пол, плазма на полстены, большие окна, смотрящие на лес... Недурно...

Я обернулась, чтобы поставить стакан с соком на стол и вдруг встретила взглядом с Шериданом. Пока я рассматривала его владения, он, скрестив руки на груди, рассматривал меня. Я слегка запнулась.

– Знаешь, это, несомненно, дорого, – решила начать я,

чтобы немного разрядить обстановку, – но со вкусом. В твоём доме есть... – я сделала круговое движение ладонью. – Уют. Твой дом как будто и большой, и маленький одновременно. Не такой, как у богачей из телевизионных шоу. Как у Оуэн-Гринов, например. В этом доме больше... – я замолчала, не зная, чего именно в нём больше.

– Души? – решил подсказать Шеридан.

– Да, души, – не без облегчения согласилась я, после чего со спокойной душой вернулась к своему омлету.

– Просто не заставлял пустое пространство ненужными безделушками вроде дизайнерских ваз и сюрреалистических постеров на всю стену. Не люблю захламленности.

– Понимаю. Я тоже не люблю, когда всего слишком много, – согласилась я, решив умолчать мысль о том, что не смотря на то, что он не любит захламленности, все его вещи, начиная от ковров и заканчивая кухонной столешницей, наверняка стоят больше, чем мог бы себе позволить шериф провинциального городка со среднестатистической заработной платой. Но какое мне дело, где он берет такие деньги?

Мне было откровенно неловко оттого, что за мной наблюдают во время принятия мной пищи, поэтому я решила, что будет лучше продолжать о чем-нибудь говорить:

– Ты хорошо знаешь пострадавшие семьи?

– В этом городе все друг друга знают. В подобных этой провинции у людей обычно тесные связи. Мы все ходили в одну школу, в одном классе со мной учились братья и сест-

ры убитых сейчас горем родителей. Я знаю каждого родителя поименно, знаю поименно их родителей и почти всех их детей.

– Впечатляет, – приподняла брови я, вновь взявшись за фреш. – Вкусный омлет...

Мой телефон зазвонил и я отвлеклась. Ответив на слова в трубке два коротких “да”, я положила телефон обратно в карман и встретила взглядом с Шериданом.

– Это судмедэксперт. Приехал из Дэф Плэйс два часа назад. Вскрытие завершено, нам необходимо ознакомиться с результатами.

Не сговариваясь, мы одновременно покинули свои места и направились к выходу. Вольт, как всегда, был впереди команды всей.

– Забираешь вещи? – надевая ковбойскую шляпу, поинтересовался Шеридан, когда я зашла в комнату, в которой ночевала, и подняла с пола рюкзак с сумкой.

– Не вижу смысла их здесь оставлять. Сейчас оформим это дело и, надеюсь, уже во второй половине дня я смогу выехать в Дэф Плэйс, а оттуда уже добраться до большого города.

– Что ж... – Шеридан поджал губы и, открыв входную дверь, пропустил меня с Вольтом вперед.

Я не могла поверить в происходящее, хотя и не была удив-

лена – просто не понимала, почему именно сейчас и почему именно такой способ. Я знала, что эта тачка однажды откажется трогаться с места, но отчего-то была уверена в том, что не этим утром и что её подведет мотор, а не колёса. Увидев спущенное переднее колесо со стороны водительского места, я едва удержалась, чтобы не выругаться вслух. Хотя по выражению моего лица наверняка можно было прочесть все те красноречивые слова, которые я сейчас так тщательно скрывала за крепко сжатыми зубами. Шеридан наклонился, чтобы осмотреть колесо.

– Наехала на гвоздь, – он ткнул пальцем в шину, из которой торчала внушительная блестящая шляпка гвоздя.

– Только этого мне не хватало... – тяжело выдохнула я. – Далек отсюда шиномонтаж?

– Шутишь? В городе всего один шиномонтаж и тот принадлежит Бобу, который по выходным либо в хлам пьян, либо торчит у родственников жены в Дэф Плэйс. Легче самому поменять колесо. Минут десять займет.

– Спорим, запаски в багажнике мы не найдем?

Естественно мы её не нашли.

– Хорошее начало дня, – поджала губы я, держась за открытый багажник, стараясь не смотреть на виляющего хвостом пса, стоящего справа от меня. Вид у него был такой радостный, словно не я лишилась средства передвижения, а он его обрел. Ну или как минимум он с утра пораньше сорвал джекпот, пока я бойко удерживала в постели победу над ду-

шашей меня последние четыре месяца бессонницей. И чему так сильно способна радоваться собачья душа?..

– Всё нормально. Поедем на моей машине, – Шеридан захлопнул багажник тойоты слегка не рассчитав силы – секунду я думала, что на крышке останется серьёзная вмятина – и уверенно направился к гаражу.

Как только ворота гаража раскрылись, я вслух присвистнула. Рядом с уже знакомым мне пикапом стоял блестящий джип вранглер. Тот самый, знаменитый своей повышенной проходимостью.

– Если шерифам провинциальных городов так платят, я не прочь заделаться шерифом, – выдала я.

– Статус агента CSIS тебе больше к лицу. Звучит круче.

– Зато оказалось, что быть шерифом круче выглядит.

Даже знать не хочу, откуда у него столько денег. И так понятно, что местная мафия. Но эта история никак меня не касается – я уже сегодня уезжаю отсюда. Пусть эти знания останутся в этих лесах, я не буду засовывать палку в осиное гнездо.

Радостно виляющий хвостом пёс запрыгнул в открытую специально для него пассажирскую дверцу вранглера.

– Едешь? – обернувшись, поинтересовался Шеридан, уже открывая мне переднюю пассажирскую дверь.

Конечно еду. Пусть даже на мафиозном автомобиле. Не хочу же я остаться в Маунтин Сайлэнс навсегда.

Глава 12.

Судмедэкспертом оказался мужчина лет пятидесяти, с лысиной на голове и квадратными очками на носу, которые делали из него чудаковатого персонажа незнакомого мне мультфильма. Никогда не понимала, как люди могут осознанно становится судмедэкспертами. Кто они? Какие у них семьи? Например, у этого мужчины есть жена, дочь, черепаха?.. Как-то это дико: утром вскрывать трупы, а вечером гладить этими же руками лицо любимой женщины...

По моему телу пробежали мурашки. У меня два варианта: либо мне всё-таки придется научиться работать с трупами, либо значок агента CSIS не для меня. Причем этот выбор принципиален, его поставила перед собой я, а не кто-то со стороны. Вопрос профессиональной пригодности: я либо буду агентом CSIS, либо не буду им притворяться. Нужно поскорее уже определиться с этим вопросом.

– Шериф Шеридан, агент Нэш, – судмедэксперт по очереди пожал нам руки. В момент рукопожатия я неосознанно сжала челюсти и напомнила себе о том, что этот человек наверняка работает в перчатках. – Результаты вскрытия таковы, – не ходя вокруг да около, мужчина сразу начал озвучивать интересующую нас информацию, – ни одна из четырех девушек не погибла вследствие утопления.

Пауза. Очень долгая, пугающая пауза.

– Доктор, что Вы только что сказали? – мой голос показался мне слегка охрипшим.

– Пэрис Оуэн-Грин, Челси Динклэйдж и Эйприл Монаган умерли от отравления угарным газом, предположительно незадолго перед попадания в воду. Зери Гвала погибла раньше остальных девушек из-за перелома двух шейных позвонков. Разница во времени смерти трех девушек и четвертой составляет приблизительно около десяти часов. В крови девушек, погибших от угарного газа, найден алкоголь, в крови Зери Гвалы найдены незначительные следы возможного наркотического опьянения... И еще... – доктор замаялся и от его пронзительного взгляда по моей коже вдруг пробежал необъяснимо осязаемый холод. – Девушка со сломанной шеей находилась на первом месяце беременности. ДНК из плода мы уже извлекли. Думаю, это может помочь расследованию.

Мне необходимо было проговорить это вслух самостоятельно, поэтому я негласно была благодарна Шеридану, стоявшему рядом со мной на больничном крыльце под навесом из темного поликарбоната и низкими облаками, застелившими своей тяжелой массой всё небо, и молчавшему так уверенно, словно ему самому было необходимо, чтобы кто-то для него монотонно протороторил это вслух:

– Никто из погибших девушек не умер от утопления. Трое умерло от отравления угарным газом незадолго до попада-

ния автомобиля в реку, одна умерла приблизительно за десять часов до этого. Следы сексуального насилия отсутствуют. Следы алкогольного опьянения разной степени тяжести подтверждены в трех случаях, слабого наркотического в одном. Девушка со сломанной шеей, чье тело было найдено в багажнике, находилась на первом месяце беременности.

Я замолчала. Подождав несколько секунд и убедившись в том, что я не намерена больше ничего добавлять, Шеридан произнёс:

– В крови Камелии Фрост, всё еще пребывающей в коме, ни следов алкоголя, ни следов легких наркотиков не нашли. И еще: в тематические костюмы в честь Хэллоуина были одеты только четыре девушки. Зери Гвала была одета в обычную одежду.

Упираясь руками в бока, я еще сильнее вжала пальцы в своё тело.

Вот ведь хрень!..

– Мне необходимо позвонить, – скользнув взглядом по собеседнику, я опустила руки и, сойдя с крыльца, медленным шагом направилась в сторону парковки.

Банкрофт не торопился брать трубку, когда же наконец её поднял, сначала звучно откашлялся куда-то в сторону и лишь потом вернулся к телефону:

– Слушаю, агент Нэш.

– В Маунтин Сайлэнс произошло убийство четверых подростков...

– Ты о чем? – непонимающим тоном перебил меня Ирвинг.

– Здесь вовсе не несчастный случай на фоне подросткового алкоголизма, хотя без него тоже не обошлось... Здесь что-то более серьезное, – я чуть не произнесла слово “страшное”, но вовремя нашла замену этому непрофессиональному для моей сферы деятельности слову. – Согласно официальному заключению судмедэксперта, ни одна из девушек, находящаяся в затонувшем в реке автомобиле, не погибла от утопления. Трое умерли от отравления угарным газом незадолго до попадания в воду, шея еще одной девушки, найденной в багажнике, – сделала акцент я, – была сломана предположительно за десять часов до случившегося. Здесь срочно необходим следователь...

– Какой еще следователь, Нэш? Подростки напились и отравились выхлопными газами в родительском автомобиле, кто-то из них не справился с управлением и завёл машину в реку, какая-то девчонка со сломанной шеей – результат подростковых разборок.

– Что?.. – я не верила своим ушам.

– Это твоё дело, Нэш. Я поручил его тебе...

– Но я не следователь! Подобное расследование вне моей компетенции...

– Агент Нэш, успокойтесь и займитесь делом. Не мне учить Вас хладнокровию. Закройте это дело до конца следующей недели и уходите в отпуск. На этом всё.

Он положил трубку.

Ирвинг Банкрофт, человек, все пять лет притворяющийся моим покровителем, просто взял и сбросил звонок!

Хренов начальник штаба!..

И что означает это его: “Не мне учить Вас хладнокровию”? Комплимент, прозвучавший, как прямое обвинение. Что именно он мне предъявляет?..

Да что вообще у них там происходит?!

Я обернулась и сделала пару шагов в сторону уже приближающегося ко мне Шеридана.

– Есть положительные новости и отрицательные, – начала я прежде, чем он успел ко мне обратиться. – С каких начать?

– Давай положительные.

– Я, как агент CSIS, подтверждаю факт того, что произошедшее не может являться несчастным случаем, иными словами, является убийством, – я едва удержалась, чтобы не запнуться, – и оформлять это дело, как несчастный случай, я не намерена.

– Какие отрицательные новости?

– Следователя в Маунтин Сайлэнс не пришлют. Вам, шериф Шеридан, придется сотрудничать только со мной, – поджала губы я, решив не добавлять: “Как Вам такой расклад, шериф? Расследование очевидно предумышленного убийства в одиночку с девушкой, значок агента CSIS которой угрожает лечь на стол её начальства, так как с делом мы наверняка не справимся без профессионального следователя”.

Что за подстава, Ирвинг Банкрофт?!.. Это ведь очевидная подножка! Настолько очевидная, что не заметить её не смог бы даже стажёр, не то что я со своим пятилетним стажем в рядах CSIS и внушительным послужным списком заслуг за плечами. Чего ты добиваешься?.. Какие цели преследуешь? И зачем? Но, главное, с чего вдруг? Мне нужны причины! Хотя бы одна причина!.. Нет, я не отдам себя на съедение волкам. Уж если я и уйду из CSIS, тогда точно не по чьей-либо воле, а по собственному желанию. И если кто-то захочет меня убрать, особенно если этим кем-то вдруг выступит мой бывший покровитель, я останусь на своём месте и даже поднимусь выше. Чего бы мне это ни стоило. Я никуда не уйду. Я буду вопреки...

– Отвези меня на мост, – сама того не осознавая, сквозь сжатые челюсти потребовала командным тоном я, каким обычно общалась с младшими по званию, например с шерифами, видящими во мне не серьезного агента CSIS, а всего лишь девчонку с блестящим значком в кармане и игрушечной портупеей на поясе. Может быть шеридан меня таковой и не видел, но само осознание того, что он *может* меня видеть именно таковой, в этот момент меня сильно подстегивало.

Я им покажу! Я им всем покажу, на что способен агент CSIS Дэшиэл Нэш! А потом уйду с гордо поднятой головой. Так, как уходят несломленные люди.

Несломленные... Кого я обманываю? Мои мысли об уходе

со службы в CSIS – уже явный признак поломки.

Наплевать. Разберусь с этим позже, не сейчас. Сейчас – на мост.

Глава 13.

Железная хватка, острый ум, способность к командной работе и аналитическое мышление, значит? Банкрофт, деточка, что ты творишь? Откуда у тебя вдруг появилось это смутное желание утопить меня?..

Упираясь руками в сломанные деревянные перила моста, я смотрела на черную реку, порождающую белую пену. Какое же здесь быстрое течение...

Я обернулась и невольно в очередной раз врезалась взглядом в величественную гору, нависающую над городом. Она породила эту реку, сколько эта река за время своего существования породила смертей?..

– Нет следов торможения, – вновь проскользнув взглядом по асфальту, наконец выдала очевидный факт я. – Либо они выехали в обрыв на полной скорости, либо машину специально направили в реку.

Я снова вернула свой взгляд к сломленным деревянным перилам. На левом берегу, на котором сутки назад меня стошнило, сейчас развивались желтые ленты, обозначающие оцепление территории. У одного из деревянных столбов, обозначающих границу охраняемой территории, лежала пёстрая груда непонятно чего: люди приносили фотографии погибших девушек, мягкие игрушки, свечи и прочие признаки связи с убитыми горем семьями. Какая же это боль...

Я перевела взгляд на трейлер, стоящий в пределах оцепления. В нем жили аквалангисты из Дэф Плэйс, приехавшие на место происшествия незадолго до меня. Молодая семейная пара входила в холодную горную реку с таким невозмутимым видом, словно эта река была для них домом родным. При такой температуре я бы зашла в воду максимум по щиколотку – нырнула бы только в случае, который выпал на долю Кирана Шеридана.

– Еще необходимо учитывать угол падения автомобиля, – вдруг встрял в мои мысли Шеридан. Я сразу же бросила на него заинтересованный взгляд. – Носовая часть автомобиля была расположена прямо по течению. Если бы водитель не справился с управлением и слетел с моста на скорости, даже маленькой, он угодил бы в реку боком, максимум полубоком, но никак не прямо носовой частью.

– Может быть течение развернуло автомобиль?

– Река полноводная и течение достаточно быстрое, но не настолько, чтобы развернуть двухтонник за считанные секунды.

– Машина въехала в реку передом, – я обернулась, словно пытаюсь увидеть невидимые следы шин, призрак автомобиля, развернувшегося посреди моста с четкой целью въехать в реку, проломив перила бампером. – Водитель... – сдвинув брови, неосознанно прошептала я. Тела водителя так и не нашли, как и пропавшую девочку, Дакоту Галлахер.

Мой взгляд случайно пересекся со взглядом шерифа. По-

ка я пыталась сложить пазлы в своей голове, Шеридан внимательно наблюдал за моими попытками.

Я прекрасно понимаю, что помощи в этом деле ждать неоткуда, по крайней мере до тех пор, пока я не переубежу Банкрофта, на что, как мне видится, не стоит рассчитывать. Понимает ли это Шеридан?

– Следователя не будет, Шеридан, – почему-то решила напомнить ему я.

– Зачем нам следователь? – неожиданно выдал в ответ он. – У нас есть ты – агент CSIS.

Я замерла. Он это серьезно?.. Судя по выражению лица, даже слишком серьезно. Своими словами, очевидно, хочет дать понять, что воспринимает меня, как специалиста своего дела, всерьёз. Мудрый поступок для того, кто хочет разрядить обстановку и создать положительную атмосферу в рамках сотрудничества. Иными словами: подлизался и это сработало.

Я выдохнула и опустила скрещенные на груди руки, словно негласно пообещав больше не быть напряженной пружиной. Дальше будет только сложнее и с этим нужно смириться.

– С какой семьи начнём объезд? – поинтересовалась я как можно более непринужденным тоном.

– Предлагаю начать с Динклэйджей.

Тяжелее мне было на своей работе лишь единожды и это

было лишь четыре месяца назад. Какой тяжелый год выдался.

Стандартный двухэтажный дом Динклэйджей был не таким большим, как особняк Оуэн-Гринов, зато определенно точно был гораздо уютнее и теплее. Одна только коллекция фотографий, украшающая стену у лестницы, ведущей на второй этаж, давала понять, что в этом доме обитает счастливая семья: родители докторá, старший сын, пошедший по стопам родителей, и две девочки, обе похожие на мать. Из-за старшей девочки, которой больше нет, мне пришлось войти в этот дом, сесть в то кресло, в котором однажды сидела она, и увидеть слёзы её матери, текущие по её мягким щекам, слёзы отца, застывшие у него в глазах.

Миссис Эшли Динклэйдж была из тех красивых женщин, которые красивы своей простотой: ничего особенного во внешности такой женщины нет, но, тем не менее, все окружающие будут считать её симпатичной. Не первый день забытые карамельные волосы длиной до плеч, выплаканные голубые глаза, порозовевший от насморка нос, ровный подбородок. Сейчас она выглядела ровно на свой возраст – сорок два года. Интересно, на сколько лет моложе она выглядела до того, как узнала о трагической смерти своей дочери.

Мистер Фредрик Динклэйдж был одного роста со своей женой, волосы чуть темнее, глаза карие. В свои сорок восемь он не имел ни единого седого волоса, которые, *несомненно*, появятся на его голове уже спустя несколько дней того ужаса,

что обрушился на его семью. *Несомненно* стойкий, но с мягким характером, он не отходил от своей жены ни на шаг, не убирал своей руки с её плеча, не прекращал это плечо поглаживать или пожимать. В свои сорок восемь он был влюблён в эту женщину так же сильно, как двадцать лет назад. Интересно, каков брак Оуэн-Гринов, живущих в своём изысканном замке? С ними мы не общались одновременно: с каждым отдельно. Но что-то мне подсказывало, что миссис Оуэн-Грин не смогла бы похвастаться тем семейным благом, которым обладает миссис Динклэйдж, не имеющая просторного заднего двора и кухни размером с корт для мини-гольфа.

– Не знаешь, как дела у Роджера Галлахера? – поинтересовался у Шеридана мистер Динклэйдж, когда мы уже уходили.

Миссис Динклэйдж ушла от нас спустя пять минут разговора, не в силах успокоить свои расшатанные нервы, поэтому, после того, как её муж проводил её в спальню и вернулся обратно к нам, мы общались только с ним. Причём с Шериданом он общался исключительно на “ты”.

– Я его не видел со вчерашнего утра, когда он был у реки, – сдвинув брови, ответил Шеридан. – А почему интересуешься?

– Роджер одноклассник Эшли, ты ведь знаешь. Она несколько раз пыталась ему дозвониться, в конце концов, его девочка тоже... – мистер Динклэйдж запнулся. Он хотел сказать, что дочь Роджера Галлахера тоже погибла той ужасной

ночью, но по факту её тела до сих пор не нашли, так что...
– Его домашний телефон молчит.

– Наверное, снова напился, – еще сильнее сдвинул брови Шеридан.

– Да, знаю... Но у него никого, кроме десятилетнего сына, больше нет, поэтому мы с Эшли хотели бы его поддержать, но Эшли сейчас в таком состоянии, что из дома мы выйти не можем... – мистер Динклэйдж снова запнулся.

“Эшли сейчас в *таком* состоянии, что из дом *МЫ* выйти не можем”, – слова, которые мог произнести только по-настоящему сильный мужчина. Да, за шерстяной клетчатой безрукавкой этого человека был сокрыт редкий мужчина: умеющий быть хорошим другом, являющийся хорошим мужем и отцом.

– Я понял тебя, Фредрик, – Шеридан пожал руку Динклэйджа и на секунду скрепил это рукопожатие второй рукой. – Я проверю, как он.

– Спасибо, – поджав губы, сиплым голосом ответил Динклэйдж и опустил мокрые глаза. Он был на пределе. Нам пора было уходить.

Буквально нащупав входную дверь спиной, я едва сдержалась, чтобы не сбежать по ступенькам крыльца со скоростью света. Казалось, боль людей, живущих в этом доме, способна пронзить насквозь любое живое существо, ступившее в пределы его двора. Даже громадный серый с красным хвостом попугай жако, живущий в углу их гостиной, казался прищипи-

ленным к своему насесту в виде кривой деревянной палки. Неужели и он тоже будет скучать по *ней?*..

Я тяжело выдохнула, словно пытаясь выдавить из себя ту скорбь, которую успела вдохнуть в стенах этого некогда счастливого дома. Осталось еще два таких дома.

– Миссис Динклэйдж одноклассница Роджера Галлахера, отца пропавшей Дакоты Галлахер? – обернувшись, с упертыми в бока руками, поинтересовалась я у подходящего ко мне Шеридана.

– Да, они одноклассники: Эшли Динклэйдж, Роджер Галлахер и Синтия Монаган.

– Синтия Монаган? Мать погибшей Эйприл Монаган?

– Да. И Монаганы следующие в нашем списке.

– Что ж... – я интуитивно направилась в сторону припаркованного у обочины вранглера.

– Дэшиэл, – Шериадн окликнул меня. Обернувшись, я увидела, как он указывает на дом слева. – Монаганы соседи Динклэйджей.

Глава 14.

Монаганы жили точь-в-точь в таком же доме, какой был у семейства Динклэйдж, однако внутренняя обстановка в нём была заметно более скромной, что можно было объяснить бóльшим количеством детей: четыре дочери и один сын. Спенсер и Синтия Монаган внешне были настолько разными, что невозможно было понять, что именно их может объединять: он долговязый – она не из высоких, он черноглазый – она светлоглазая, он не смотрит собеседнику в глаза – она не сводит с собеседника глаз, он берет чашку чая одними только пальцами – она обхватывает чашку всей ладонью, он слегка горбится – у нее осанка настолько ровная, что кажется даже неестественной. Если бы я не знала, что у этих людей есть пятеро детей (было пятеро), я бы ни за что не догадалась, что они в принципе могут быть знакомы.

В отличие от миссис Динклэйдж, Синтия Монаган выдержала разговор со мной от начала и до конца, в отличие от мистера Динклэйджа, Спенсер Монаган сидел не рядом с женой, а напротив нее, не стараясь поддержать жену физическим контактом, хотя, безусловно, морально он поддерживал её как мог – старался отвечать на мои вопросы прежде, чем они призвали бы к ответу его вторую половину. Пара, расцвет любви которой миновал. Теперь их связывает 25% дружбы, 25% уважения и 50% закреплено за наличием об-

щих детей.

В общей сложности мы провели в доме Монаганов тридцать-сорок минут. За это время мы узнали многое, но недостаточно много, чтобы сдвинуться с мертвой точки. Однако я с самого начала решила делать выводы по результатам общения со всеми семьями погибших, потому преждевременно не расстраивалась.

С матерью Камелии Фрост и родителями Пэрис Оуэн-Грин мы общались накануне, поэтому следующей в нашем списке посещений была семья Патель. Семья, которая интересовала меня больше остальных, так как я считала, что погибшая девочка из этой семьи, Зери Гвала, может быть той самой яркой ниточкой, ведущей к разгадке случившегося. Стоит только нащупать эту нить и затем удачно её дернуть.

Готам и Лалит Патель были эмигрантами из Индии. В Маунтин Сайлэнс они приехали пятнадцать лет назад, тогда еще только с одним приемным сыном. Спустя некоторое время пара стала приемными родителями еще для троих детей: двух девочек и одного мальчика. Их старшему ребенку, Лиаму, было уже двадцать лет, он был примером идеального сына, учился в колледже на ветеринара и занимался волонтерской работой в питомниках для диких животных. Затем по старшинству шла семнадцатилетняя Зери, бывшая откровенно сложным ребенком, о чем было известно не только в школе, но и за её пределами. Еще в семье был шестнадцатилетний Чад, неспособный передвигаться без костылей (про-

блемы с рождения) и десятилетняя Шанти, девочка-аллергик. Во всех смыслах пёстрая семейка, обожающая джунгарских хомячков.

Готам и Лалит были шокированы гибелью Зери, но не убиты ей, как это было в случае с родителями других девочек. Неродной ребенок, проживший в семье всего пять лет и за это время явно успевший превратить жизнь семьи в кошмар – на фоне примерного Лиама, умного парнишки Чада и тихони Шанти, Зери явно выделялась своим темпераментом и страстью к запретным плодам. Из слов Готама и Лалит было ясно, что они скорбят о потере, как было ясно и то, что они удивились бы меньше, если бы подобный исход настиг их подопечную в более позднем возрасте. Они любили её, или пытались любить, но не стеснялись того, что, как родители, не смогли повлиять на попавшего в их семью сложного подростка. Как говорится, не сложно любить примерных детей, сложно любить сложных. В семье Пателей было трое примерных и один сложный. И, судя по всему, сложность их отношений с Зери в последнее время зашкаливала. Естественно они не знали о том, что Зери была беременна, однако тот факт, что они даже подозревать не могут, от кого именно их подопечная могла ждать ребенка, меня сильно разочаровал. Кажется Патели поставили крест на Зери еще до её совершеннолетия. Девочка действительно была тяжёлой.

Когда мы закончили с Динклэйджами, Монаганами и Пателями, я настояла на том, чтобы еще раз переговорить с

Оуэн-Гринами, в конце концов, это дело крутится вокруг их машины и вечеринки, устроенной в их доме, но Максвелла и Сабрины не оказалось дома.

– Уехали в Дэф Пэйс, – скрестив руки на груди, сообщил старший из их двух сыновей. – Родители отца в преклонном возрасте, они сложно перенесли эту новость, поэтому наши поехали поддержать их... – парень опустил глаза. Как же тяжело ему давались слова.

– Но если вы хотите что-то спросить, вы можете спросить у нас, – стоящий за спиной брата Зак явно хотел нам помочь, хотя и не знал чем.

Как же всё сложно. Здесь определенно точно нужен следователь. О чем только думает Банкрофт?..

Афина Фрост.

Бернадетт всегда была самой болтливой из всех моих официанток, но я редко считала её болтливость за порок, так как благодаря ей узнавала все новости Маунтин Сайлэнс, пусть порой эти новости напоминали собой суррогат, порожденный “испорченным телефоном”. В этот раз Бернадетт меня не порадовала.

Проведя всё утро и весь день в палате Камелии, я не хотела отходить от нее ни на шаг и дальше, но доктор Динклэйдж, старший кузен Фредрика Динклэйджа, буквально выгнал меня из палаты, сказав, что пустит меня к дочери только после того, как я поем и проспуюсь – не раньше завтрашнего утра. Я же не могла вернуться домой, зная, что там меня никто не ждет – Роджер с Итаном ушли сразу после завтрака, – поэтому интуитивно направила свой автомобиль в сторону “Гарцующего оленя”. Не успела я зайти на кухню, как Бернадетт обдала меня новостью, которая, по всей видимости, не на шутку будоражила умы моих работников:

– Она заказала тыквенный суп-пюре и черный чай, но черного у нас нет в ассортименте до понедельника... Гордон заказал ей стейк из лосося в чесночном соусе с овощным гарниром, и она сразу же согласилась с этим... При этом он так на нее смотрел... А сегодня утром Флойд видел, как Гордон

выезжал из своего дома на вранглере, а рядом с ним сидела она, хотя у нее была своя машина, вроде бы хэтчбек тойота, днём ранее она подъезжала на ней к кафе... Должно быть, ночевала в его новом доме... И никто бы ничего не подумал, если бы не этот взгляд Шеридана... Ну, знаешь, он как будто вцепился в неё своими глазами...

Бред, конечно, но даже зная о том, что это бред, меня это задело. Настолько, что когда я увидела, как из подъехавшего к кафе вранглера выходит Шеридан, а из другой двери появляется *она*, я едва не выронила пивной бокал, который во время прослушивания свежей сплетни от Бернадетт успела протереть едва ли не до дыр.

Глава 15.

Часы показывали пять минут девятого, когда Шеридан предложил поужинать в кафе, честно признавшись в том, что у него нет никакого желания готовить сегодня дома. Естественно я согласилась на этот вариант, так как про обед мы оба забыли напрочь.

Ноябрьские ночи налетали на небо и пространство под ним с каждым днём всё быстрее и стремительнее, воздух становился всё более прохладным и колким, зима уже начинала подбираться к этому городу откуда-то с тыла и её украдкой шаги выдавали становящиеся дыбом волоски на руках горожан – живущие здесь люди уже знали, что эта зима будет суровой. В этом году было много желудей на дубах и ягод на рябине, а это явные приметы грядущих сильных морозов и обильного снега. На вопрос о том, откуда Шеридан знаком с такого рода приметам, мужчина широко заулыбался и весело выдал: “Шутишь? Я в лесах Маунтин Сайлэнс всё своё осознанное детство провёл. Мой отец егерь, забыла?”. И вправду, как я могла забыть? Но, с другой стороны, зачем мне это помнить?

Деревянная вывеска уже знакомого мне кафе прорезала ночной мрак зеленым неонам. Ничего особенного, но на фоне окружившего кафетерий величественного соснового леса эта картина выглядела как-то сказочно. Словно пряничный

домик из “Гензель и Гретель”, с той лишь разницей, что из этого домика тебя обещали отпустить не только живым, но и сытым, хотя твои карманы и похудеют на какой-нибудь полтинник.

Вновь оставив Вольта сидеть на крыльце, Шеридан открыл передо мной дверь кафетерия и пропустил меня вперед. Переступив порог заведения, я сразу же оценила обстановку: вечер воскресного дня, все места у барной стойки забиты грузными мужскими телами, восседающими на высоких барных стульях, бóльшая часть столиков, а это около дюжины, заняты, еще три столика, у самого входа, свободны.

Сразу отметив на себе взгляды собравшихся в “Гарцующем олене”, я решила не уточнять у Шеридана, за какой именно столик он хотел бы отправиться, и заняла тот, за которым мы уже однажды сидели – у самого выхода. Несколько мужчин звучно, во весь полупьяный голос поздоровались с Шериданом откуда-то из недр кафетерия, то ли будучи ему друзьями, то ли набиваясь ему в друзья, на что Шеридан ответил несколькими встречными приветствиями и, оставив куртку с шляпой на вешалке рядом с моей курткой, расположился напротив меня, уже листающей найденное на столе меню. И хотя уже спустя минуту все присутствующие вновь вернулись к своим ирреалистично большим пивным бокалам, я всё еще продолжала кожей чувствовать внимание этих странных своей обыденностью людей, сосредоточенное на моей персоне.

– Какие люди! – вдруг раздался едва знакомый мне голос у нашего столика. Оторвав взгляд от меню, я увидела Афи́ну Фрост, стоящую над нами в белоснежном переднике с блокнотом и ручкой в руках. Она смотрела на Шеридана, совершенно не замечая меня. – Будешь заказывать как всегда? Твоё любимое блюдо мой повар освоил в совершенстве: стейк на овощной подушке.

– Афина? – Шеридан удивленно вскинул брови. – Я думал, ты либо в больнице, либо дома.

– Как видишь, я здесь, – продолжала неотрывно смотреть Шеридану прямо в глаза хозяйка заведения, пока я выбирала блюдо и бросала на этих двоих взгляды исподлобья.

– Ками всё еще не пришла в себя?

– Нет...

– Уверен, с ней всё будет в порядке.

– Почему же ты в этом так уверен?

Шеридан на секунду запнулся, но лишь на секунду.

– У такой сильной матери, как ты, может быть только сильная дочь.

– Спасибо, Гордон, – вдруг сорвалась на полусшепот Афина. Я всё еще продолжала делать вид, будто меня здесь нет. – Ну так что, стейк на овощной подушке?

– Но сегодня ведь воскресенье. Я думал, по воскресеньям у тебя не подают это блюдо.

– Для тебя, Шеридан, я могу оформить два таких блюда.

– Что ж, спасибо... – Шеридан поджал губы. – Тогда до-

бавь еще салат дня и зеленый чай.

– Будет сделано, – удовлетворенно кивнула головой женщина. – А что будет *твоя подруга*? – наконец заметила меня блондинка. Я решила проигнорировать то, как именно она меня представила, потому как не хотела узнавать, почему именно она вдруг решила назвать меня *его подругой*, а не агентом – она ведь видела мой значок.

– Овощное рагу и... – начала я, но мне не дали закончить.

– Овощного рагу нет.

– Тогда ризотто.

– Ризотто тоже нет, – уверенно констатировала блондинка. Я оторвала взгляд от меню и встретилась с ней взглядом. Возможно я бы ничего не заподозрила, если бы не этот её странный тон. – Воскресенье, – невозмутимо пожала плечами женщина, – у нас по воскресным вечерам бывает туго с меню.

– Тогда принесите мне то же, что Шеридану, и каркадэ, – про отсутствие в этом заведении черного чая я помнила с предыдущего своего пребывания здесь.

Я явственно увидела, как Афина стиснула зубы, прежде чем записала мой заказ в помятый блокнотик. После её слов Шеридану о том, что для него она без проблем оформит хоть две порции стейка на овощной подушке, она не могла мне сказать, что не сможет выполнить мой заказ.

Когда Фрост отошла от нашего столика, я встретилась взглядом с Шериданом. И хотя в моём взгляде едва ли можно

было уловить вопрос, звучащий в этот момент в моей голове, Шеридан, видимо, прочел его на телепатическом уровне.

– У нее сейчас тяжелый период, – пожал плечами он.

– По-моему, у нее другие мотивы, о которых Вы, шериф, прекрасно знаете, но мне это не интересно, – искренне ответила я. – Ну что, обсудим полученные сегодня данные?

– Предлагаю начать с самого начала: CSIS отказывает нам предоставлять услуги следователя, считая, что ты, агент Дэшиэл Нэш, справишься с этим заданием самостоятельно.

Я замерла, выбирая ответ из двух вариантов: “Моё начальство меня высоко ценит” или “Моё начальство меня переоценивает”.

– Именно, – в итоге выдавила я, после чего решила поспешно идти дальше. – Далее: следов торможения на мосту нет, автомобиль попал в реку, протаранив перила бампером, что часом ранее было подтверждено экспертом из Дэф Плэйс, изучившим повреждения мерседеса – отметины на кузове полностью подтверждают эту теорию. Что касается отпечатков пальцев, в машине найдены отпечатки пяти экземпляров, все они, как мы выяснили, принадлежат Оуэн-Гринам, – я едва не поморщила носом, вспомнив, как еще полчаса назад брала отпечатки пальцев у вернувшихся из Дэф Плэйс Максвелла и Сабрины Оуэн-Грин. Если на презрительный взгляд мистера Оуэн-Грина мне было откровенно наплевать, тогда убитый вид его жены заставлял сжиматься всё моё нутро. Эта красивая и несомненно изящная женщина не

заслужила подобного. Никто подобного не заслуживает.

– Именно, – сдвинул брови Шеридан. – На руле управления есть отпечатки пальцев всех членов семьи, на пассажирских сиденьях та же история, с тем лишь исключением, что там найдены отпечатки пальцев погибших девушек. По словам Максвелла Оуэн-Грина, этот автомобиль был приобретен им месяц назад и внутри него еще ни разу не сидел человек, не принадлежащий к кругу семьи. Итак, у нас есть отпечатки пальцев всех Оуэн-Гринов и обнаруженных в автомобиле девушек, включая выжившую Камелию Фрост, но нет отпечатков пальцев Дакоты Галлахер, тело которой уже вторые сутки ищут наши аквалангисты.

– Девочка пропала в ту же ночь, в которую утонул автомобиль без водителя...

– Исходя из показаний старшего сына Оуэн-Гринов, который утверждает, что видел на вечеринке в особняке похожую на Дакоту Галлахер девушку, мы строим предположение о том, что она и есть тот самый пропавший водитель, которого, возможно, смыло течением вниз по реке.

– Да, однако он сказал, что видел *похожую*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.